

YRSA SIGURÐARDÓTTIR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР • ЛУЧШИЙ ИСЛАНДСКИЙ ТРИЛЛЕР 2015 ГОДА
ТОП-40 ЛУЧШИХ ТРИЛЛЕРОВ 2015–2020 ПО ВЕРСИИ SUNDAY TIMES

ИРСА СИГУРДАРДОТТИР

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Ирса Сигурдардоттир

ДНК

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(4Исл)-44

Сигурдардоттир И.

ДНК / И. Сигурдардоттир — «Эксмо», 2014 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-04-101263-2

Следователь рейкьявикской полиции Хюльдар еще никогда не сталкивался с таким делом. В своем доме жестоко убита молодая женщина. Почерк убийцы жуток и причудлив — ничего подобного не случилось не только в Исландии, но и в других странах. Преступник не оставил никаких улик — кроме записки со странным цифровым шифром, об который уже обломали зубы лучшие криптологи. Единственный свидетель — маленькая дочка убитой, незаметно забившаяся под материнскую кровать. Но она в шоке и не отвечает на вопросы. В паре с Хюльдаром работает Фрейя, специалист по работе с травмированными детьми. С ее помощью из девочки удастся вытянуть лишь следующее. Убийца весь черный-черный. У него большая блестящая голова. И он собирается убить еще одну женщину...

УДК 821.113.3-312.4

ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-04-101263-2

© Сигурдардоттир И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1987		5
	Пролог	5
2015		9
	Глава 1	9
	Глава 2	15
	Глава 3	20
	Глава 4	28
	Глава 5	34
	Глава 6	39
	Глава 7	46
	Глава 8	50
	Глава 9	57
	Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ирса Сигурдардоттир

ДНК

Посвящается Палли

1987

Пролог

Будто специально посаженные по росту, они образовали своего рода ступеньки: самая маленькая сидела с краю, а рядом с ней – два ее старших брата. Один, три и четыре года. Они вели себя не так, как свойственно малым детям, – не ерзали, не болтали свешивающимися с жесткого сиденья худенькими ножками. Новенькие ботинки неподвижно висели над натертым до блеска полом. На лицах детей не отражалось ни скуки, ни нетерпения, ни любопытства. Они сидели, молча уставившись на выкрашенную белой краской стену, будто там шел «Том и Джерри». Со стороны эта застывшая сцена выглядела как фотография – трое детей на скамейке.

Они сидели там уже около получаса. Совсем скоро они смогут встать со скамьи, но никто из взрослых, наблюдавших за ними через застекленную стену из комнаты совещаний, не торопился приблизить этот момент. Недавно жизнь детей совершила крутой поворот, но это было ничто по сравнению с тем, что им предстояло. Когда они уйдут отсюда, их жизнь изменится навсегда. И хотя на этот раз изменения должны быть к лучшему, в них тем не менее крылись свои недостатки, и только время могло показать, дадут ли они о себе знать в будущем. В этом-то и была загвоздка: невозможно что-то предположить с уверенностью, и поэтому так трудно принять решение.

– Да, к сожалению... Мы рассмотрели много вариантов, но специалисты рекомендуют именно этот путь. Детям нужен постоянный дом, и тянуть с этим никак нельзя. Чем старше они будут становиться, тем меньше вероятность, что их кто-то усыновит. Посмотрите на разницу между поиском семей для мальчиков и для девочки. Люди прекрасно понимают, что чем младше ребенок, тем легче он адаптируется к новой жизни. Через два года девочка достигнет возраста своих братьев, и мы столкнемся с нынешней ситуацией! – Решительно набрав в легкие воздух, мужчина для большей убедительности помахал в воздухе пачкой бумаг.

Это были отчеты и заключения экспертов, обследовавших детей. Сидевшие за столом озабоченно закивали – все, кроме молодой женщины, категоричнее всех высказывавшейся против предлагаемого комиссией решения. Из всех собравшихся у нее был наименьший опыт в работе с детьми, и в ней еще теплилась искорка надежды, давно задушенная в других неудачах и разочарованиях.

– Может, все же подождать? Как знать, может, нам удастся найти семью, готовую взять их всех вместе? – Она перевела взгляд на детей, застывших на скамье неподвижными каменными изваяниями, и крепко прижала скрещенные руки к груди, словно боясь, что из нее может улетучиться весь ее оптимизм. Вспомнила, как выглядели дети, когда их дело дошло до властей: грязные, истощенные, с давно нечесанными светлыми завитушками волос, огромными голубыми глазенками и размазанными по замызганным щекам следами от слез. – Это должно быть возможно!

– Я же только что объяснил! – раздраженно ответил мужчина с отчетами и уже в третий раз за время совещания посмотрел на часы; сегодня он обещал своим детям поход в кино. –

За младшей уже очередь выстроилась, а мальчиков мало кто хочет взять. Спасибо, хоть такой выход есть; а искать какую-то воображаемую семью для всех вместе – безнадежное дело. Мы тщательно проработали весь список семей, желающих усыновить детей. В данной ситуации это самое разумное решение!

К этому трудно было что-то добавить, и участники совещания снова согласно закивали. Однако молодая женщина не хотела сдаваться:

– Но они так привязаны друг к дружке, это видно... Разлука может нанести их психике непоправимый урон.

Теперь пачка отчетов над головой затряслась с такой силой, что у сидящих за столом от разгоняемого ею воздуха зашевелились волосы.

– Два психолога здесь утверждают, что младшим брату и сестре такая разлука пойдет только на пользу. Мальчик, похоже, взял ее под свою опеку, а это ненормально. Он пытается окружить ее той заботой и любовью, которых недополучил сам, но ведь он всего лишь маленький ребенок! Она не в силах отделаться от его постоянной навязчивой заботы, а он буквально истощен постоянной тревогой за нее. Но ведь ему всего три года! – Мужчина перевел дыхание и продолжил: – И это вовсе не чтение между строк, эксперты говорят это прямым текстом: разлука им обоим на пользу, отношение мальчика к сестре нельзя назвать здоровым. Да и вообще надо отдавать себе отчет в том, что психика братьев пострадала больше – ведь они старше и больше понимают.

В этот момент на скамейке произошло движение: младший из братьев, подвинувшись поближе к сестре, обнял ее за плечи и притянул к себе – будто услышал через стеклянную стену, о чем шла речь в комнате совещаний.

– Мне кажется, мы не вправе сомневаться в выводах специалистов, а положение детей на самом деле намного сложнее, чем мы можем себе представить. Я считаю, что нам как минимум нужно поторопиться. Было бы наивно надеяться на какое-то волшебное разрешение ситуации. Его не существует! – Говорившая теперь женщина, похоже, тоже хотела поскорее уйти отсюда; она произносила слова быстро, вдобавок отбивая такт своей речи ногой.

– А что может произойти потом, когда они станут старше и поймут, что, возможно, был шанс предотвратить их разлучение? Мы знаем много примеров тому, что происходит, когда люди озлобляются на систему. Вся жизнь начинает вращаться только вокруг этого, – подал голос староста комиссии.

Он был уже одной ногой на пенсии и надеялся, что это дело будет его последним запутанным делом. Такое желание, по его мнению, являлось вполне заслуженным – голова старости давно покрылась сединой, лицо изрезали морщины, а карманы были набиты таблетками от гипертонии.

– Приемные родители обязаны хранить тайну усыновления. Так лучше для всех, особенно для младших. Это будет нетрудно, так как у них, скорее всего, не останется воспоминаний первых лет жизни, а девочке вообще всего год. Хотя старший, конечно, может что-то помнить, но сейчас мы не можем знать это наверняка. Воспоминания со временем становятся расплывчатыми, меняются... Что вы помните из того, когда вам было четыре года?

– Да очень многое! – вырвалось у молодой женщины.

Но она, видимо, была единственной с такими ранними воспоминаниями. У других в памяти всплывали лишь неясные расплывчатые обрывки. Впрочем, из первого года своей жизни молодая женщина тоже мало что помнила. У девочки, которую многие хотели удочерить, может все сложиться хорошо. И не только потому, что она такой милый ребенок; трудности прошедших лет больше сказались на мальчиках, и последствия уже проявляются в их поведении – в безудержной любви и заботе о сестре младшего брата и полной безучастности ко всему старшего брата.

Рапорт полицейских, первыми прибывших на место происшествия по телефонному звонку матери детей, производил настолько тяжкое впечатление, что сейчас никто из присутствующих не решался его обсуждать. Если бы время смогло стереть из памяти детей эти воспоминания, все были бы счастливы. Но молодая женщина сомневалась, что такое возможно, – слишком сильным было перенесенное детьми потрясение.

– То, что я помню из раннего детства, почти всегда связано с чем-то ужасным: например, когда я в три года прищемила палец в дверях булочной или когда в пятилетнем возрасте увидела, как мою подружку сбила машина. А это не идет ни в какое сравнение с тем, что пережили дети. Боюсь, что мальчики никогда не смогут этого забыть. Вполне возможно, что и их сестра тоже, хотя насчет нее у меня уверенности нет.

– А что там с родством, уже все выяснено? – Женщина, которая куда-то спешила, решила направить обсуждение в другое русло, чтобы присутствующие не потерялись в собственных детских воспоминаниях. – Ведь тут большая вероятность, что они даже не полностью родные, и в связи с этим вопрос: а стоит ли вообще тратить столько энергии на то, чтобы держать их вместе?

Ей ответил мужчина с отчетами – и на этот раз он заслужил у молодой эмоциональной женщины галочку:

– Я думаю, от одного они отца или от разных – это сейчас не главное. В сознании самих детей они родные. Являются ли они родными только по матери, мы точно не знаем; у младших отец вообще не записан. Врач, который осматривал всех троих, считает, что младшие, скорее всего, родные между собой, а старший является им родным только по матери. Но это основано лишь на словах отца старшего мальчика, который утверждает, что у него не было близких отношений с этой женщиной после того, как та была вынуждена переехать к своему отцу. – Мужчина, насупившись, помолчал, а затем продолжил: – Для того чтобы установить родство детей, нужно провести генетическую экспертизу, а на нее нет ни денег, ни времени. Кроме того, никому, в принципе, и не хочется знать ее результат; спокойнее думать, что у всех них нормальные отцы – у всех троих, а не только у старшего.

Какое-то время в комнате царил молчание. Все знали историю детей и их матери, а также их деда, который подозревался в страшном преступлении против своей дочери. Теперь судьба трех маленьких детей с искалеченными душами в их руках. И как они должны поступить?

– А как насчет отца старшего мальчика, этого Торгейра? Может, он передумает? – снова нарушила молчание молодая женщина.

– Сомневаюсь; там все испробовано. Он не может или не хочет взять к себе своего собственного сына, что уж тогда говорить о всех троих детях? Этот Торгейр никогда не общался с мальчиком и не уверен, что является его отцом. В свое время он согласился, чтобы его записали на него лишь потому, что у него была кратковременная связь с матерью мальчика. Но он не уверен, что был у нее единственным. Если его принудят взять к себе мальчика, он потребует тест на отцовство, а это задержит дело. К тому же, независимо от результата, он не представляется мне удачным кандидатом. Даже если он окажется отцом, говорить с ним о принятии мальчика – пустая трата времени. Он точно от него откажется. Будет ли это полезно для ребенка? Не думаю.

Сидящие за столом мужчины, кивая, обменивались взглядами – им, казалось, было легче согласиться с доводами мужчины; женщины же, все как одна, сидели, опустив глаза.

– На сегодняшний день это лучший выход. – Мужчина с отчетами решил на этот раз не трясти ими, просто многозначительно потыкал в стопку пальцем. – У нас нет машины времени, которая могла бы убедить нас в том, что все будет хорошо. Единственное, на что мы можем опираться, – это мнение специалистов. У всех отобранных нами приемных родителей блестящие рекомендации. Я предлагаю поставить на этом точку. Регистрация детей в системе будет изменена, и со временем это жалкое начало их жизни забудется. Детям лучше не знать о таком

происхождении, а разлука поможет им забыть его. Чем скорее начнется их новая жизнь, тем лучше для всех. Можем мы согласиться с таким выводом?

Молодая женщина встала, собираясь возразить, но что-то ее остановило. Сквозь стеклянную стену она смотрела на сидящих на скамье детей, на то, как девочка безуспешно пыталась высвободиться из объятий брата, но тот лишь крепче прижимал ее к себе. Казалось, он причиняет ей боль. Возможно, во мнении экспертов было больше смысла, чем она готова была признать... Переведя взгляд на коллег, женщина чуть заметно кивнула.

Решение было принято.

Пока участники совещания занимались оформлением и подписыванием последних документов, она оказалась невольным и, видимо, единственным, свидетелем того, как детей отправляли в новую жизнь. Нельзя сказать, что те покидали старую жизнь мирно. Труднее всего это далось младшему из братьев. Он истошно кричал, глядя, как его сестру уносит по коридору на руках детский врач. Малышка, с застывшим лицом выглядывая из-за докторского плеча, прощально махала брату маленькой рукой. При виде этого на того будто нашло исступление; мужчине в белом халате пришлось применить силу, чтобы удержать его. И только когда малыш понял, что ему не вырваться, его вопли сменил горестный плач.

Молодая женщина с ужасом наблюдала развернувшуюся на ее глазах сцену. Она понимала, что и на ней лежит ответственность за то, что здесь происходило, и старалась, по крайней мере, найти в себе мужество взглянуть на последствия своего решения. Было немного легче смотреть на старшего брата – он не вырывался и не плакал, хотя стоявший в его глазах ужас говорил сам за себя. Видимо, дети никогда раньше не разлучались.

Остолбев, женщина следила, как мальчики исчезали той же дорогой, что и их сестра. Когда она наконец смогла сдвинуться с места, то на своем пути из больницы никого не увидела – детей не было ни в вестибюле, ни на полупустой парковке.

Новая жизнь проглотила их целиком, без остатка.

2015

Глава 1

Некоторое время Элиза приходит в себя. Она лежит на боку, меж ее ног – скомканное одеяло, под щекой – сбитая в комок подушка. В комнате темно, в просвете между гардинами виднеется черное небо; оттуда, из бездонного пространства, подмигивает одинокая звездочка. На другой половине кровати – аккуратно заправленное одеяло и нетронутая подушка. Здесь сейчас необычно тихо, и Элиза понимает, что ей не хватает обычно так раздражавшего ее мужниного похрапывания, а также привычного, струившегося от его горячего тела тепла, приучившего ее спать с высунутой из-под одеяла ногой. Сегодня, по привычке, она так и заснула, и теперь ей было холодно.

Укутавшись получше в одеяло, она чувствует, что ноги покрылись гусиной кожей. Это напоминает ей ночные дежурства мужа Сигвалди, но на этот раз она не ожидает его утром домой – зевающего, с кругами под глазами, пропитанного запахами больницы. Он уехал на конференцию и вернется домой лишь в конце недели. Вчера, целуя ее на прощание, Сигвалди выглядел предвкушающе – наверняка вернется, благоухая новым, купленным в дьюти-фри лосьоном для бритья, и она опять будет спать, уткнувшись носом в согнутый локоть, пока не привыкнет к его новому аромату.

Элиза чувствует легкую грусть, но в то же время и радость от предстоящего временного одиночества. Впереди ее ждут вечера, когда только она будет решать, что смотреть по телевизору, когда не нужно будет переживать о футбольных матчах в той или иной лиге и когда можно после ужина со спокойной душой наслаждаться бутербродами с сыром и не слушать до самого отбоя голодное урчание в животе.

Но неделя отдыха от мужа включала и недостатки – она осталась одна с тремя детьми и со всем, что этому сопутствовало: разбудить, растормошить, накормить завтраком, забрать, отвезти, помочь с домашними заданиями, поиграть, проконтролировать сидение за компьютером, приготовить ужин, выкупать, почистить зубы, уложить спать... Нужно два раза на неделе отвезти Маргрет на балет, а Стефауна и Баурда – на карате, а также поприсутствовать на всех этих занятиях и тренировках.

Самым трудным было именно это присутствие. Элизе казалось, что ни один из ее детей не обладал способностями к занятиям, да и удовольствия от них тоже не испытывал, хотя все и стоило немалых денег. По крайней мере, она думала, что им там скучно; они никогда не попадали в такт, часто поворачивались не в ту сторону, краснели и оторопело таращились на других детей, у которых всегда все получалось как надо. Но, может, это вовсе и не так? Может, это только ее дети делали все правильно?..

Элиза лежит неподвижно, ожидая, когда ее полностью оставит дремота. На прикроватной тумбочке светится циферблат ненавистного ей по утрам будильника, однако сейчас у нее не возникает привычного желания смахнуть его на пол. Светящиеся ядовито-зеленым цветом цифры показывают, что она может спать еще несколько часов, хотя сонный мозг отказывается рассчитать, сколько именно. Так почему же она проснулась?

Яркий свет будильника раздражает усталые глаза, Элиза переворачивается на другой бок, и от неожиданности у нее перехватывает дыхание – глаз ловит темные очертания кого-то, стоящего у кровати. Быстро оправившись от испуга, она соображает, что это Маргрет, ее старшая; она всегда выделяется из детей – ее редко можно увидеть радостной. Теперь Элиза понимает, что ее разбудило.

– Маргрет, ты почему не спишь?

Голос Элизы чуть хрипловатый со сна. Она пытается разглядеть глаза дочери, кажущиеся в темноте совершенно черными; курчавые рыжие волосы легким облаком окружают мертвенно-бледное лицо. Дочь переползает через гладко уложенное одеяло отца и прижимается к матери. Теплое дыхание, отдающее легким ароматом зубной пасты, щекочет Элизе ухо.

– Там кто-то ходит.

Элиза рывком садится на кровати, ее сердце колотится в груди, хотя она и понимает, что ничего страшного не случилось.

– Доченька, это тебе приснилось. Помнишь, мы говорили об этом? То, что видишь во сне, бывает только во сне.

С раннего возраста Маргрет мучили ночные кошмары. Оба ее брата, как и их отец, выключались по вечерам мгновенно, и о них можно было забыть до самого утра, но дочери ночь редко приносила покой. Сколько раз они с мужем вскакивали от ее пронзительного плача... Врачи говорили, что она должна это перерасти, но прошло уже два года, а ситуация несколько не изменилась.

Девочка трясет головой, покачивая медно-рыжими кудряшками.

– Я не спала, – шепчет она и подносит к красиво очерченным губам палец, предупреждая мать, чтобы та вела себя тихо. – Я проснулась, пошла в туалет – и увидела его. Он в гостиной.

– Может, тебе показалось? Со мной такое часто слу... – Элиза замолкает на полуслове. – Тс-с!

Она произносит это больше для себя. В коридоре царит тишина, а звук, который она вроде бы услышала, скорее всего, ей просто показался. Дверь из спальни наполовину открыта, и Элиза пытается разглядеть, что там, в коридоре, но не видит ничего, кроме темноты. А что там еще может быть? Вся их домашняя утварь самая что ни на есть обыкновенная; вряд ли какой-нибудь вор решит залезть в их обшарпанный, некрашеный дом. Хотя, конечно, он один из немногих на улице, где окна не обклеены снизу доверху значками охранной сигнализации...

Маргрет снова наклоняется к уху матери:

– Мне не показалось, там кто-то есть. Я видела его из коридора. – В ее тихо звучащем чистом голосе нет и намека на сонливость.

Включив ночник, Элиза тянется к мобильному телефону. Может, будильник показывает неправильное время? Вполне возможно, он много чего пережил на своем веку, и не припомнить, сколько раз ему пришлось лететь на пол. Может, уже и не стоит отправлять Маргрет в постель? Может, уже пришло время начинать утренние хлопоты? Наливать в тарелки простоквашу, посыпать ее мелассовым сахаром и надеяться, что у нее будет достаточно времени выполоскать из волос шампунь, пока дети едят завтрак? Но телефона нет ни на тумбочке, ни на полу, хотя она хорошо помнит, что взяла его с собой в спальню на случай звонка от Сигвалди – они договаривались, что он сообщит сразу, как доберется до места... Или она ошибается?

– Маргрет, сколько сейчас времени? – Дочь ни за что не хотела, чтобы ее называли Магга¹.

– Я не знаю. – Та вглядывается в темноту коридора и, снова повернувшись к матери, шепчет: – Кто приходит в гости ночью? Только кто-то плохой...

– Нет! Никто не приходит по ночам, вот и всё!

Элиза не чувствует убедительности в собственном голосе. А что, если ребенок прав и к ним действительно кто-то залез? Она встает с кровати. Пол ледяной, и ей приходится от холода поджать пальцы ног. Одета Элиза в одну только футболку Сигвалди, и неприкрытые ноги тут же покрываются пупырышками.

– Лежи спокойно, я пойду посмотрю. А потом, когда вернусь, мы сможем заснуть, не беспокоясь. Хорошо?

Натянув до самых глаз одеяло, Маргрет кивает и чуть слышно бормочет ей вслед:

¹ Уменьшительное исландское имя от Маргрет. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Осторожно! Он плохой!

Слова дочери отдаются в ушах Элизы, когда она выходит в коридор, мысленно убеждая себя, что беспокоиться не о чем, что никого постороннего в доме нет, однако опасения Маргрет посеяли в ней сомнения. Ну почему это не могло случиться прошлой ночью, когда Сигвалди был дома? Разве это справедливо?

В доме прохладно, и, чтобы согреться, Элиза скрещивает на груди руки, но это не помогает. Включенный ею свет резко бьет по глазам. Дверь в комнату сыновей легко скрипит – они спят.

В ванной тоже никого нет, а в комнате Маргрет на нее тарашатся рассаженные на полке куклы. Их глаза, кажется, следят за ней, когда Элиза торопится закрыть дверь. Она задается вопросом, могла ли эта обстановка объяснить кошмары Маргрет? Самой ей, проснись она ночью, не хотелось бы видеть эти застывшие лица – в темноте через ангельскую красоту просвечивает что-то дьявольское... Можно попробовать переставить ирушки в другое место и посмотреть, не наладится ли у Маргрет сон. Элиза решает заняться этим сегодня же после работы.

Ни в коридоре, ни в выходящих в него комнатах никого нет, и не видно никаких признаков чужого присутствия. Но какие это должны быть признаки? Следы на полу? Брошенный окурок? Расколотый цветочный горшок? Вряд ли. Осторожно переступая, Элиза продвигается в сторону гостиной и кухни – и все больше успокаивается. Проникающего с улицы света уличных фонарей достаточно, чтобы убедить ее, что у Маргрет, видимо, как всегда, разыгралось в темноте воображение. В гостиной никого нет; пустая миска из-под попкорна все еще стоит на своем месте перед телевизором, вокруг журнального столика разбросаны кубики «Лего» – все выглядит в точности, как было оставлено вечером. Вот паникерша! На губах Элизы появляется улыбка – но в ту же секунду снова исчезает. Раздвижная дверь между кухней и нишей в гостиной, которую они используют в качестве столовой, закрыта.

А эта дверь никогда не закрывается!

Медленно, с замирающим сердцем, Элиза подходит ближе; подошвы слегка липнут к холодному паркету, тревога и смятение растут с каждым шагом. Наконец, задержав дыхание, она осторожно прикладывает ухо к гладкой поверхности. Сначала ничего не слышно, но внезапно Элиза вздрагивает и в испуге отстраняется от двери – на кухне кто-то передвигает стулья.

Что же делать? Ее охватывает дикое желание рвануться со всех ног назад в спальню и спрятаться под одеялом. Этот, на кухне, должен скоро закончить свои дела и убраться восвояси. Элизе наплевать на вещи – грабитель может брать все, что ему угодно, только пусть поскорее проваливается. Но какого черта он делает на кухне? Ей показалось, будто он уселся за обеденный стол, и у нее мелькнула мысль, что, может, это Маргрет или кто-то из мальчишек незаметно прошмыгнул на кухню мимо нее?.. Нет, исключено.

Тем временем из кухни послышалось, как незванный гость, кажется, встал из-за стола, и Элизе не пришло ничего лучшего в голову, как снова припасть ухом к двери. Теперь до нее доносится, как открываются и закрываются ящики – один, другой, затем еще и еще, пока не доносится бречание столовых приборов. Или ножей. Наступившая за этим короткая тишина прерывается звуком раздвигающейся маленькой дверцы в кладовку. Какого грабителя интересуют консервные банки и пакеты с крупами и сухими завтраками? Или швабры, мусорные совки, тряпки, ведра и пылесосы? Вместо того чтобы успокоиться от такого поворота, Элизе становится все больше не по себе. Никогда не знаешь, чего ожидать от тех, кто ведет себя нелогично.

Она неслышно отходит от двери и юркает в гостиную. Ее телефон должен быть на журнальном столике. Или в ванной? Вот уже два года, как они решили отказаться от домашнего телефона, и сейчас Элиза впервые об этом жалеет.

Бросив взгляд в сторону прихожей, она на секунду застывает, раздумывая, может, ей лучше выбежать на улицу и закричать, в надежде разбудить соседей? Но тогда пришлось бы оставить детей одних в доме с грабителем – человеком, который, возможно, уже вооружился кухонным ножом... Нет, она не может убежать от детей. Вместо этого идет в направлении коридора и уже почти успевает исчезнуть в нем, когда слышит, как раздвигаются створки кухонной двери. Отчаянным прыжком преодолев последние сантиметры, она ныряет в коридор и быстро и бесшумно затворяет за собой дверь. Накрывший ее ужас не позволяет ей оглянуться и проверить, идет ли за ней кухонный пришелец.

Элизе кажется, что в голове у нее что-то потрескивает, пока она в отчаянии пытается решить, как ей лучше поступить. Дверь в их с мужем спальню не запирается – когда они переехали сюда, ключей от большинства комнат не было, и они никогда не видели причин для их изготовления. В ванной была щекотка, но закрываться там так же бесполезно, как и выбегать из дома, – дети останутся без защиты. Тем не менее Элиза торопится в ванную в надежде найти телефон. Перетряхивает полотенца, дрожащими руками роется в ящиках, но проклятого телефона нигде нет. Когда она обводит взглядом устроенный ею беспорядок, на глаза наворачиваются слезы. И когда теперь она будет все это убирать? Будто у нее других дел нет!

Понимая, что, видимо, сходит с ума, Элиза спешит из ванной и видит, как в конце коридора открывается дверь. Она не в силах подавить вырвавшийся у нее крик, но он получается не громким, не пронзительным, а скорее похожим на кроличий писк. Ей вовсе не хочется видеть, кто появляется в проеме двери; она бросается в свою спальню и закрывает за собой дверь. Из коридора доносятся шаги и какой-то шаркающий звук, будто он что-то тащит за собой. Но что? Сердце бешено колотится в груди.

– Маргрет!

Дочери нигде не видно.

– Маргрет?!

Голос вот-вот сорвется, и это не помогает ей справиться со страхом. Она никак не может определиться, искать ей телефон или Маргрет. Но прежде чем успевает прийти к какому-нибудь решению, дверь за ее спиной открывается и человек входит в комнату.

Он останавливается, и шум усиливается, будто что-то перетаскивают через порог. Оцепеневшая от страха Элиза понимает, что не в силах обернуться; на нее наваливается единственное непреодолимое желание: изо всех сил зажмурить глаза. Звук за спиной кажется ей знакомым, но сейчас она не в состоянии вспомнить, от чего он может исходить. Мозг, как сумашедший, отключает все жизненно важные и так необходимые ей сейчас «приложения».

Элиза слышит, как человек шепотом произносит ее имя. Звук неразборчивый, будто его рот завязан шарфом. Ей кажется, она никогда раньше не слышала этот голос. Но как звучат голоса, когда люди шепчут? Ведь по-другому, правда? Маргрет звучала совсем не похоже на себя, когда недавно шептала ей на ухо. Однако теплое, сладкое дыхание, витавшее у уха Элизы несколько минут назад, не идет ни в какое сравнение с тем ужасом, которым наполняет ее сейчас этот низко звучащий шепот.

Кто это и что ему нужно? Он, видимо, знает ее – по крайней мере, знает, как ее зовут. Может, он увидел ее имя на кухне? На конвертах, квитанциях или на висящей на холодильнике открытке от подруги Гунны?

Элиза чувствует на своей шее крепкую жесткую руку, кажется – в перчатке, а затем – боль укола в спину. Нож!

– Пожалуйста... – шепчет она.

В этом «пожалуйста» кроется все, что она не в силах произнести: пожалуйста, не делай мне больно, пожалуйста, не насилуй меня, пожалуйста, не убивай меня, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не причини вреда моим детям!

Кончик ножа отодвигается от спины, но боль остается – должно быть, этот человек уколол ее до крови. Он отпускает ее шею и, прежде чем она осознает, что происходит, начинает чем-то заматывать ей глаза. На Элизу накатывает новая волна паники, когда она понимает, что это широкая клейкая лента, которой он, виток за витком, обматывает ее голову.

Как и раньше в ванной, ее внезапно выбивает из действительности, и беспокойство о том, как она будет снимать с себя эту ленту, пересиливает страх за собственную жизнь и жизнь детей. Скотч примотан так плотно, что при снятии он наверняка обдерет и брови, и ресницы. Навернувшиеся слезы, которым теперь некуда деваться, растворяют клей, и он щиплет глаза.

– Пожалуйста, пожалуйста! Я никому не скажу. Берите всё, что хотите. Всё. Забирайте всё.

– Благодарю покорно, – слышит она его шепот.

У Элизы подгибаются колени.

– Пожалуйста!

Скотч оборачивается вокруг ее головы еще раз; Элиза дергается, когда мужчина отрезает его от катушки. Он грубо водит рукой по ее затылку, закрепляя свободный конец скотча, затем разворачивает ее и броском сажает на кровать. Матрас прогибается, когда мужчина садится рядом, и Элиза от неожиданности вздрагивает, почувствовав, как он, легко прикоснувшись, поглаживает ее по волосам. Мягкое прикосновение внезапно меняется на жесткое; с силой зажав в кулаке клочок ее волос, он притягивает ее голову к себе и шепчет на ухо – теперь чуть громче, но она по-прежнему не узнает его голос; он звучит, будто человек в маске или балаклаве.

– Я хочу тебе кое-что рассказать. Короткую историю. Печальную историю. Советую тебе слушать внимательно.

Элиза кивает, а он сжимает ее волосы в кулаке так, что ей становится больно. Почему он хочет рассказать ей какую-то историю? Почему он не хочет спросить у нее пин-код или где хранятся ценные вещи? Она бы сказала ему все. Он может забрать все ее карты и получить доступ ко всем банковским счетам. Он может забрать серебро, которое она унаследовала от бабушки, и те немногие драгоценности, которые у нее есть. Всё-всё. Она ничего не собирается от него скрывать. Только б он не тронул ее и ее детей... Ничто другое сейчас не имеет значения. Она была бы рада сбрить брови и выщипать все ресницы, только б он убрался восвояси. Между всхлипами у нее получается спросить, собирается ли он что-то сделать с ее детьми. Ответа она не расслышала, и это только усугубило ее страх за них.

Он молчит; похоже, его история так и останется нерассказанной. Какое-то время они сидят в тишине, Элиза – с заклеенными глазами, и сердце ее, кажется, вот-вот разлетится в клочки. Она чувствует, что мужчина встает, и внутри ее начинает трепыхаться слабая надежда, что он решил уйти, решил, что этого достаточно. Она боится довериться этой мысли, ей нужно быть настороже – может, он решил напасть на нее сзади? Элиза снова слышит, как с чем-то возятся, какое-то клацание, и ей кажется, она различила щелчок – будто что-то включили в розетку у дверей.

Она начинает лихорадочно перебирать в голове всю их бытовую технику, которая могла бы нанести какой-либо ущерб: электродрель, подаренная ею Сигвалди на Рождество, миксер, садовые ножницы, щипцы для волос, утюг, гриль для бутербродов, чайник... Какой из них худший? Какой безопасней? Элиза дышит так часто, что кажется, вот-вот потеряет сознание, как вдруг вспоминает, что у большинства этих мерзких устройств слишком короткие шнуры, что с ними ни за что не дотянуться от розетки до кровати, – и немного успокаивается. Но это спокойствие длится недолго.

Элиза слышит, как мужчина возвращается к кровати. Не в силах совладать с собой, она предпринимает отчаянную попытку убежать, хотя и понимает, что та обречена на провал. Он видит, она – нет. Он крупнее и сильнее. Тем не менее, перекатившись на другую сторону кро-

вати, Элиза пытается сообразить, где там пол и как на него встать. Она слышит раздраженный рык незнакомца, он бросается на нее сверху, там где она лежит на животе, наполовину на кровати, а головой – свесившись вниз; одна рука поджата под ней, другая – касается пола. Мужчина бьет ее по спине с такой силой, что удар отдается глухим звуком во всех позвонках, и у нее на мгновение перехватывает дыхание. Он наваливается на нее сверху, придавив так, что невозможно двинуться, и Элиза слышит, как он снова отрывает от катушки скотч. В отчаянии она шарит свободной рукой под кроватью в поисках чего-то, что можно было бы использовать в качестве оружия, но там ничего нет. Неожиданно ее пальцы натываются на что-то хорошо знакомое, что заставляет ее на мгновение расслабиться. Она ощупывает теплый мягкий холмик и мгновенно все понимает. Успевает лишь поднести палец к губам и чуть слышно произнести: «Тс-с...», прежде чем ее руки с силой заламываются за спину и связываются в запястьях клейкой лентой.

Мужчина рывком поднимает ее и трясет так, что мозг начинает бултыхаться в голове. В глазах темнеет, но она боится, что виной тому не скотч – видимо, просто отключилось зрение. Слух какое-то время тоже воспринимает все как через вату, но проясняется, как только незнакомец, притянув ее к себе, приступает к истории, которую обещал. Или которой угрожал.

Окончив рассказ, он встает, переворачивает Элизу на спину и, чтобы та не попыталась снова убежать, упирается ей в грудь коленом. Затем снова берется за скотч и начинает оборачивать его вокруг ушей и носа Элизы. Круг за кругом. Она слышит, как трещат ушные хрящи, но звуки, исходящие от носа, гораздо хуже. И боль сильнее.

Давление на грудь уменьшается. Через скотч Элиза слышит неясный звук где-то около дверей, и до нее доходит, что за устройство мужчина притащил с собой, – оно не вызвало в ней страха. Но когда незнакомец возвращается и снова берется за нее, Элиза понимает, что была слишком наивной...

Глава 2

Хельги опаздывал на работу. Он плохо спал ночью, постоянно вскидываясь от каких-то странных звуков, которые исчезали, как только он садился на кровати, и когда ему наконец удалось толком заснуть, просыпаться уже никак не хотелось. Четыре раза он вырубал звонок будильника в своем телефоне, но на пятый тот отказался слушаться и пиликал до победного.

Сегодня у Хельги было совещание – может, и не самое решающее в его карьере, но тем не менее очень важное. Он работал в охранном агентстве, а Департамент госзакупок недавно объявил конкурс на снятие старой и установку новой системы безопасности в большом доме престарелых. На совещании планировалось доработать и утвердить предложение агентства, которое нужно было сдать в Департамент не позднее полудня. Весь вчерашний вечер Хельги потратил на вычитку текста, и теперь бумаги, которые он нес в руках, были сплошь испещрены его пометками.

Ветер накинудся на него, едва он успел бросить в чуть приоткрытую дверь дома прощальное «пока!». Его жене Ведис сегодня не надо было спешить; она преподавала в гимназии датский язык, и ее первый урок начинался в 10 утра – видимо, школьные власти считали неразумным грузить старшеклассников датской грамматикой спозаранку в пятницу. У Хельги не было времени дожидаться, пока супруга выйдет чмокнуть его на прощание. Покрепче зажав в руке пачку бумаг, чтобы ее не растерзал ветер, он припустил к машине и вздохнул с облегчением, лишь когда захлопнул за собой дверь, а документы, в целости и сохранности, шлепнулись на пассажирское сиденье. Если дорожный трафик не подведет, он доберется до работы вовремя.

Мотор дружелюбно заурчал, и машина тронулась с места, Хельги довольно улыбнулся – кажется, успеваает... Но, еще не вырулив с подъездной дорожки, был вынужден ударить по тормозам. Прямо посередине улицы стояли дети из соседнего дома – Стефаун и Баурд – в одних пижамах и босиком. На улице было холодно, в лучшем случае около нуля, к тому же ветер... О чем думают их родители? Мальчишки выглядели потерянными; стояли, съежившись в два комочка, беспомощно уставившись на него. Это что, какая-то шутка? Нет! Только не это, только не сегодня! Хельги бросил взгляд в сторону дома соседей – в слабой надежде увидеть бегущих к пацанам Сигвалди или Элизу, – но там никого не было, а дверь в дом закрыта. Обе машины стояли у дверей гаража – значит, родители мальчишек должны быть дома. Может, у них выдалась такая же бессонная ночь, как и у него, и теперь они всё проспали?

Хельги решил, что нужно просто осторожно объехать детей и продолжить свой путь. Потом он мог позвонить Ведис и сказать, что увидел мальчишек в зеркало заднего вида, но вроде как не совсем уверен, мог и ошибиться, и попросил бы ее сходить к соседям и проверить.

Неожиданно младший разревелся. Вот черт! Не бросишь же рыдающего малыша на дороге. И все же... Хельги прекрасно сознавал, насколько важным было совещание, на которое он так спешил. Дела в агентстве шли не ахти; если в ближайшее время не заполучить новые перспективные заказы, дойдет до увольнений. А если контракт сорвется по его вине, не трудно догадаться, кого уволят первым.

Очень медленно, как только мог, он тронулся с места и, мягко повернув руль вправо, плавно обогнул оторопело уставившихся на него братьев. Младший от удивления даже реветь перестал. Мальчишки были в том счастливом возрасте, когда все взрослые в их сознании хорошие. Кроме, естественно, плохих людей, которые были совсем не похожи на этого их обыкновенного соседа. Да, им еще многое предстояло постичь в этой жизни...

Объехав мальчишек, Хельги добавил газу и позвонил жене.

* * *

Похоже, у полицейского сегодня был не самый лучший день его жизни. Он постоянно вздыхал, а в перерывах между вздохами совершал длинные и печальные выдохи. Это был молодой, много повидавший на своем веку человек. Он выглядел покрасневшим от смущения – из-за широко раздавшейся по обе стороны носа капиллярной сеточки. Они с напарником первыми прибыли сюда после звонка женщины, сообщившей, что у нее находятся дети соседей и что она не знает, что с ними делать. Судя по описанию звонившей, не было основания вызывать наряд полиции – все указывало на то, что родители просто спали, а дверь за детьми случайно захлопнулась. На деле все оказалось не так, и теперь пожилой полицейский пытался объяснить обстоятельства их вызова прибывшей на место оперативной группе. Его напарник, проработавший в полиции всего лишь месяц, уже вернулся в участок. Ступеньки ведущего в дом крыльца все еще «благоухали» содержимым его желудка.

– Соседка сначала пришла сюда вместе с мальчиками – стучала, звонила. Она слышала звонок внутри дома, но решила, что тот, видимо, был слишком слабым, чтобы разбудить кого-либо. Она была уверена, что родители мальчиков спали, так как обе их машины стояли у дома. – Уткнув кулаки в грузные бедра, полицейский покачал головой: – Но оказалось, что нет... Мальчики ничего не знали, проснулись сами и обнаружили, что заперты снаружи в своей комнате. И сколько ни стучали, им никто не открывал. Тогда они вылезли на улицу через окно...

– Продолжайте.

Следователя звали Хюльдар, и он старался незаметно держаться подальше от своего коллеги. Горячий поток нескончаемых выдохов пожилого полицейского указывал на то, что тот ел на завтрак чеснок – и, кажется, только чеснок. Хюльдар с удовольствием открыл бы окно, если бы не нужно было сохранять место преступления нетронутым. Впрочем, вряд ли открытое окно сейчас помогло бы – в этом постарался молодой напарник полицейского.

Через окно Хюльдару было видно, как другой следователь и его главный помощник, Рикхард, то и дело подносил руку к носу с намерением зажать его, но вовремя спохватывался. Это было разумно с его стороны – и без того хватало поводов для подколов со стороны коллег.

Хюльдар, наблюдая, как Рикхард с палкой в руках медленно продвигался вдоль облетевшей живой изгороди в поисках каких-нибудь следов, уже в который раз задался вопросом, что вообще этот человек делает в полиции. Ему бы впору сидеть в министерстве, а не лазить по кустам на месте убийства. Отличный костюм и удлиненное пальто совершенно не вязались с этой обстановкой. Такой прикид еще подошел бы для отдельного кабинета в отделении, да и то с натяжкой. Что уж тогда говорить о неизменно безупречной, никогда не отраставшей стрижке и идеально ухоженных руках... К опрятности и адекватности внешнего вида работников полиции предъявлялись строгие требования – им, например, было запрещено красить волосы и бороду в оранжевый цвет, – но Рикхард превзошел всех.

Оба его родителя были судьями, и сам он почти закончил юридический факультет, но на последнем курсе вдруг резко сменил направление и поступил в школу полиции. По его собственным словам, вдруг почувствовал необходимость сменить обстановку, а юридический, мол, закончит позже. Но это его «позже», видимо, было в каком-то необозримом будущем. Похоже, Рикхард вообще не собирался уходить из полиции, несмотря на постоянные косые взгляды коллег и плохую переносимость сопутствующих работе следователя кошмаров.

В ситуациях как сегодня он старался заниматься тем, что позволяло ему держаться подальше от сцен насилия. Вот и теперь прочесывал сад – по холоду, в совершенно не подходящей для этого одежде. Хюльдар ничуть не удивился бы, если бы Рикхард, вытащив влажную салфетку, вдруг принялся тщательно вытираться со всех сторон.

Впрочем, в последнее время он немного расслабился со своей чистоплотностью. Сегодня утром, например, явился на работу с крохотным обрывком туалетной бумаги на шее. Если бы при бритье порезался кто-то другой, никто на это и внимания не обратил бы, но тут у Хюльдара от удивления невольно поползли вверх брови.

Виной этому, по всей видимости, были семейные проблемы. От него недавно ушла жена – вскоре после третьего выкидыша, – и все в его жизни полетело под откос. В такой ситуации мог любой сломаться, и Рикхард, наверное, не был исключением – достиг своего предела, и теперь на его идеальной поверхности начали появляться трещинки. Хотя вряд ли – он стойко перенес уже несколько бурь в своей личной жизни, не оставивших на нем никакого видимого следа. Скорее всего, так будет и сейчас. Трижды Рикхард с гордостью объявлял коллегам, что будет отцом, и трижды позже шептал Хюльдару, что у жены случился выкидыш. В двух первых случаях Хюльдар чувствовал к нему жалость, а в третий раз почувствовал облегчение.

Он наблюдал за напарником, сосредоточенно соскабливающим палочкой приставшие к туфлям листья, и в его памяти неожиданно всплыл образ бывшей жены Рикхарда – такой же идеальной во всем. Слегка покраснев, Хюльдар повернулся к своему дышащему чесноком собеседнику.

– После опроса соседки мы тоже пришли сюда и попытались разбудить родителей, но никто не открывал и из дома не доносилось никаких звуков. Пока мой напарник Халлдор ждал у двери, я обошел вокруг дома и заглянул во все не задернутые гардинами окна, но не увидел ничего подозрительного и, к сожалению, ни одного человека. Окно в спальню родителей было задернуто; они могли просто очень крепко спать. Но когда я не получил никакой реакции на мой стук в окно, мне стало беспокойно. Окно в комнату мальчиков было открыто, но ни я, ни Халлдор не смогли в него протиснуться.

– Я понимаю, – Хюльдар кивнул, не отрываясь от записной книжки. – А потом?

Пожилой полицейский в раздумье пошевелил бровями, вспоминая, не упустил ли чего-нибудь.

– Мы позвонили на оба мобильных номера, зарегистрированных по этому адресу; домашнего телефона здесь, похоже, нет. Один мобильный зарегистрирован на Элизу Бьяртнадоттир, а другой – на ее мужа, Сигвалди Фрейстейнссона². Ни один не ответил. Телефон Сигвалди почти сразу переключился на автоответчик, а телефон Элизы вообще не отвечал. Я попробовал набрать несколько раз, но не услышал, чтобы он звонил в спальне. Мне показалось это странным – ведь телефоны обычно находятся в том же месте, где и люди, правильно?

Хюльдар не нашелся что ответить на этот странный вопрос, а полицейский продолжил:

– На этом этапе я предположил, что машины могли быть неисправны, и один из супругов уехал на работу на такси, а другой остался дома и проспал. Также подумал, что телефон оставшегося мог разрядиться, поэтому и будильник на нем не сработал и не разбудил спящего. Либо это, либо что-то случилось с оставшимся дома родителем. Ну, или с телефоном. Может, человек поскользнулся в душе с телефоном в руке или что-то в таком духе...

– Я понимаю, это возможно. – Тут Хюльдар лукавил: ему просто не хотелось вступать в дискуссию. Ну кто принимает душ с телефоном в руке? И почему тогда телефон жены не переключился на голосовую почту, если он разрядился или был сломан?

– Соседка также сказала, что у них еще есть дочь, и я предположил, что она могла уехать с одним из родителей на такси и в данный момент находится в школе. Мы знали, что девочки не было в доме, ее кровать оказалась пустой, и, хотя мы много раз звали ее по имени, никто не отозвался. Но когда мы позвонили в школу, оказалось, что она туда не приходила. Тогда и решено было начать розыск. Часть прибывшей на место бригады начала причесывать ближай-

² В Исландии супруги обычно не носят одинаковую фамилию; вместо фамилий там используются патронимы (отчества), и после оформления брака каждый из супругов сохраняет в качестве фамилии свой патроним.

шую к дому территорию на предмет, если девочка, как и ее братья, тоже бродит где-то вокруг. Такой сценарий был бы самым желательным.

Хюльдару тоже не хотелось предполагать другие варианты. А полицейский тем временем продолжал:

– Но чем больше мы стучались, не получая ответа, тем больше я склонялся к тому, что в доме не было находящихся в сознании, что девочка и один из родителей, видимо, ушли, а с оставшимся что-то случилось. Как можно было спать под наши крики и грохот во все окна и двери? В такое трудно поверить.

– И тогда вы решили открыть сами?

– Да. Решение принял я. К тому времени я уже подозревал, что кто-то из родителей либо лежит там без сознания, либо что похуже. Я и самоубийство допускал. Но только не это!

Полицейский опять с силой выдохнул; чесночный дух снова донесся до Хюльдара, и он непроизвольно отступил назад. Его так и подмывало предложить пожилому коллеге никотиновую жвачку, которую он теперь, пытаясь бросить курить, всегда носил с собой в кармане.

– Я понимаю, такое никто не мог предположить.

Хюльдару не хотелось отчитывать полицейского за то, что тот не догадался позвонить на работу родителей. Одного звонка в больницу отца было бы достаточно, чтобы узнать, что тот находится на конференции за границей. И тогда поиски девочки могли начаться раньше.

– Я оставил Халлдора дожидаться слесаря с инструментом, а сам вернулся в дом соседки. Ее скорее разбирало любопытство, чем беспокойство, и она стала наседать на меня с вопросами. Я не стал распространяться по поводу моих опасений – там на кухне как раз завтракали пацанята...

Он описал, как мальчики, сидя за столом, во все глаза таращились на него и какими растерянными они выглядели, когда их увозили в полицейской машине. И как ему хотелось пристукнуть чертову соседку, увязавшуюся за всей процессией до самой машины, нагоняя на мальчишек страх бесконечными восклицаниями типа «а что вообще происходит?». В конце концов ее водворили назад, в дом, и теперь она торчала в окне, наблюдая за манипуляциями Рикхарда во дворе, видимо, не веря в то, что он полицейский.

– Когда слесарь отомкнул входную дверь, я сначала позвонил в дверной звонок, но ответа не получил. Потом постучал в дверь в прихожую – она была закрыта, как и дверь в спальню родителей.

– Вы были в перчатках?

Краснота на щеках полицейского проступила ярче.

– Нет...

Нужно было отдать ему должное, он даже не попытался оправдаться.

– У нас в системе есть ваши отпечатки пальцев? А также вашего напарника?

– Конечно. По крайней мере, мои. Не могу отвечать за Халлдора, но у него тоже должны были снять, когда он поступил на работу.

– Хорошо. – Хюльдар оторвал взгляд от блокнота. – Как вы действовали после того, как открыли дверь в спальню родителей? К чему-нибудь прикасались?

Полицейский отрицательно покачал головой:

– Нет. Халлдора сразу затошнило, и он побежал на улицу, а я подошел к женщине, чтобы убедиться, жива ли она. Хотя был почти уверен, что нет. И одновременно позвонил в отделение.

– Вы пощупали у нее пульс?

– Да.

– Где?

– На шее. Пульса не было. И вообще тело на ощупь было холодное; тут же стало понятно, что она мертвая. И пульс не нужно было искать, я сделал это просто на всякий случай. Мало ли...

– То есть вы дотронулись до тела не только в области шеи?

Полицейский снова покраснел; теперь краснота залила не только его лицо, но и всю шею до самого воротника.

– Да...

– Вам нужно показать криминалисту, в каких местах вы прикасались к ней. Он будет снимать отпечатки пальцев на теле. – Хюльдар закрыл блокнот. – Пойдемте со мной.

Они вошли в спальню. Встретившее их в дверях зловоние заставило Хюльдара с теплотой подумать о чесночном дыхании полицейского. Элиза лежала поперек кровати. Голова ее была обмотана серебристым скотчем так, что не было видно ни глаз, ни носа, ни ушей. Виднелась лишь часть лба, над которым торчали вверх волосы. Страшнее всего обмотка выглядела в области рта, где скотч плотно удерживал воткнутую в самую глотку Элизы металлическую трубку. К трубке был прикреплен шланг, извивающийся змеей до стоявшего в изголовье кровати пылесоса. Неудивительно, что молодому полицейскому при виде этой картины стало дурно.

Становилось ясно, какой была смерть женщины. К счастью, сейчас было мало что видно из-под блестящей обмотки; под ней скрывалась посмертная гримаса.

Судмедэксперт стоял, склонившись над женщиной; он только что прибыл и еще не успел облачиться в специальный комбинезон. Поодаль, в углу комнаты, прикручивая к камере объектив, стоял его ассистент.

Эксперт покачал головой:

– Неприятная картина...

– Да уж... – Хюльдару нечего было к этому добавить; он чуть посторонился, чтобы в дверях стал виден полицейский. – Вот он прибыл на место первым. Его отпечатки есть на шее пострадавшей; он также пальпировал тело в других местах, чтобы проверить температуру тела. Хотите, чтобы он показал где?

– Нет, не сейчас. Я не хочу, чтобы в комнату еще кто-то заходил, пока мы здесь не закончим. Его показания подождут. Вам тоже лучше пока подождать в коридоре.

Хюльдар повиновался, проклиная себя за небрежность. Чем он был лучше пожилого полицейского?

Судмедэксперт тем временем влез в комбинезон, а его напарник принялся со всех сторон фотографировать Элизу. Яркая вспышка била в глаза, но с каждым разом становилось все легче ее переносить. Закончив фотографировать тело, напарник переключился на обстановку в комнате, включая стены и пол. Встав на колени, чтобы сфотографировать под кроватью, он вдруг снова вскочил на ноги.

– Что за черт?! – указал вниз. – Здесь под кроватью ребенок!

Хюльдар, забыв инструкции судмедэксперта, ринулся в комнату и, бросившись на колени, задрал белую, спускавшуюся почти до самого пола, оборку. Под кроватью, сжавшись в комок и обхватив руками голову, лежала одетая в ночную сорочку маленькая девочка. У Хюльдара радостно стукнуло сердце, когда худое тельце чуть вздрогнуло. Это, должно быть, дочь Элизы и Сигвалди. Та, которую повсюду искали. Повсюду, кроме самого места преступления. Никому и в голову не пришло, что ребенок мог не дать о себе знать, не выйти из укрытия после того, как на место явились работники полиции.

Хюльдар еще не успел ничего сказать, когда его позвали из коридора:

– Мы нашли кое-что на кухне; вы должны это увидеть.

В данный момент следователь представить себе не мог, что может быть важнее того, что он видел под кроватью. Кухня могла подождать.

Глава 3

Одинокая муха монотонно сражалась с крошечным окошком под самым потолком подвальной комнаты. Силы ее, видимо, были уже на исходе, жужжание становилось все тише, удары по стеклу – все реже. Если б она только знала, что было снаружи, куда она так рвалась, ради чего готова была пожертвовать собственной жизнью! А снаружи, окруженное пожухлыми кустами, раскинулось снежное покрывало. Не очень комфортно для маленькой мухи – в подвале, по крайней мере, было тепло. Но она упорно продолжала колотиться о стекло, не обращая внимания на усыпавших пыльный подоконник мертвых сородичей, явно проигравших ту же битву. Давно пришло время смахнуть с подоконника это кладбище, но Карл решил подождать, пока оно не пополнится последней и самой стойкой мухой. В противном случае ему пришлось бы браться за тряпку дважды, что было отнюдь не самым любимым его занятием.

Карла тяготила непривычная тишина в доме. Раньше он даже не заметил бы жужжания мухи. Перевел взгляд на пожелтевший потолок, через который с верхнего этажа не доносилось ни звука. Сколько раз он мечтал об этом? Вот так сидеть в совершенной тишине, сосредоточившись только на том, что хотел слушать, – без постоянного отвлекающего шума сверху, без необходимости влезать в громоздкие наушники, от которых в конце концов начинали ныть ушные раковины... Ничто не отвлекало его сейчас, кроме разве что изрядно подуставшей мухи; но, как ни странно, это не приносило ему ожидаемого удовлетворения, в голове не палили радостные петарды, а самодовольная улыбка так ни разу и не тронула его губ. Да и неудивительно – ведь все его мечты, исполнившись, смахивали на выдохшуюся «кока-колу». Впрочем, на этот раз разочарование было сильнее обычного – слишком долго он лелеял эту мечту о тишине...

С тех пор как Карл еще подростком заразился радиолобительством, его буквально выводил из себя любой тихий, но постоянный шум. В самом начале он установил у себя комнате простую Си-Би-станцию³, предназначенную для общения в диапазоне 27 МГц, но хлипкая дверь была не в состоянии изолировать его от внешней жизни. С таким же успехом дверной проем можно было завесить простыней. К тому же мать ему тогда и в наушниках отказала, так что у него на тот момент даже не было выбора между шумами извне и тишиной с расплюснутыми, ноющими ушами. Матери втемяшилось в голову, что так уходить в себя, не слыша окружающих звуков, очень опасно. За ее объяснениями всегда следовала лекция о пожарах и всяческих бедствиях, случавшихся с людьми, не осознававшими, что происходит вокруг них. С особым вдохновением мать описывала возможных грабителей, которые могли запросто хладнокровно убить ее, а Карл даже не услышал бы криков о помощи. Ее пророчества не сбылись, за исключением одного: как-то в середине ноября к ним в дом залез вор. Разжился он немногим – украл ополовиненную бутылку коньяка и мелочь из вазочки на комод в прихожей. Ни Карла, ни его матери в это время дома не было, так что осталось невыясненным, нашла бы на вора во время его мирной кражи изуверская жажда крови, окажись кто-нибудь дома, или нет.

Когда старший брат Карла, Артнар, уехал из дома, его комната в подвале перешла Карлу. Первоначально он интересовался только связью по Си-Би, но мало-помалу превратился в настоящего радиолобителя, обрастая все новыми устройствами и приборами. Изучил азбуку Морзе, прошел тестирование и получил свою первую лицензию, давшую ему возможность общения посредством азбуки Морзе в ограниченном диапазоне частот. За этим последовал другой экзамен и долгожданная лицензия категории G, разрешающая передавать голосовые сообщения и повышать силу передачи. Малюсенькая комната была буквально завалена вся-

³ Си-Би – сокращение от «гражданский диапазон» (*англ.* CB, Citizen's Band), принятое для обозначения безлицензионной, доступной всем гражданам радиосвязи на коротких волнах.

кими приборами, книгами и документами, так или иначе связанными с его хобби, и поэтому было здорово перебраться со всем этим добром в подвал.

Новое помещение оказалось намного удобнее, но доносящийся сверху шум продолжал раздражать Карла. Его поражало, сколько бесконечной стукотни мог производить один человек. Вот Артнара, например, вообще никогда не было слышно; угрюмый и молчаливый, он вечно сидел, зарывшись носом в свои учебники. Зато их мать, как заведенная, топталась между комнатами, постоянно что-то делала, что-то туда-сюда переставляла, переносила. На одном месте она оставалась, только когда разговаривала по телефону, но тише в такие минуты не становилось.

Не то чтобы это был какой-то непереносимый тарарам, просто что-то нудно-нескончаемое, как и все, связанное с матерью: скрип половиц, когда она переходила из комнаты в комнату, бряцанье посуды в кухонной раковине, которую она часто мыла вручную – берегла посудомоечную машину, мурлыканье каких-то сто лет назад популярных исландских песенок, которые мало кто помнил и мало кто хотел слышать, металлическое постукивание вязальных спиц, производящих кучи никому не нужных вещей. Особенно действовали на нервы ее постоянные оклики у лестницы, ведущей к нему в подвал: а не голодный ли он, а не хочет ли чего-нибудь попить? Карлу уже перевалило за двадцать, и вряд ли он умер бы от жажды или голода без ее заботы.

Хотя справедливости ради надо было признать, что за три месяца после того, как он подъел всю оставшуюся от поминок еду, ему еще ни разу не довелось наесться досыта. Если так пойдет и дальше, придется покупать новый ремень – на старом уже была задействована самая последняя дырка, но брюки опять болтались на талии. Теперь его штанины подметали пол, как у тусующихся в местном социальном центре подростков. Первый раз в жизни, хоть и по чистой случайности, он следовал какой-то моде.

Муха на окне затихла, и теперь было слышно только его собственное дыхание. Если получше сосредоточиться, то, наверное, можно было услышать биение собственного сердца, и Карл опять удивился, как мало удовольствия доставляла ему эта долгожданная тишина. Теперь, когда она наступила, он понял, что тосковал по звукам матери. Впрочем, может, это были лишь угрызения совести – мать умерла совсем неожиданно, хотя вся ее жизнь была как бы ожиданием смерти. Она не дотянула три месяца до своего семидесятилетия, которое собиралась отпраздновать с гостями. Часами рассказывала не слушающему ее Карлу о своих планах на праздничное кофепитие. Если б он только знал, что случится, то мог бы, по крайней мере, притвориться, что его интересуют бесчисленные рецепты всех этих печений, которые она без конца вырезала из газет и показывала ему. Как до него раньше не дошло, что с ней что-то не так? Какое-то время она чувствовала себя неважно, но все же не до такой степени, чтобы трубить тревогу. А в один день вдруг просто не смогла встать с кровати – тогда только и обратилась к врачу.

Обследование выявило рак и метастазы по всему телу. Мать держалась до последнего, но в конце концов пришлось лечь в больницу. Там, как раз в адвент⁴, она и распрощалась с этим миром – одинокой холодной ночью в неудобной больничной палате. И произошло это именно тогда, когда до Карла только-только начал доходить смысл происходящего. Если бы болезнь не скосила ее так быстро, если б у него было чуть-чуть больше времени, он стал бы лучше к ней относиться, чаще ее навещать, чаще приносить гостинцы и цветы. Ему было стыдно вспоминать тот ободранный букетишко из супермаркета, который он приволок в больницу в один из своих последних к ней визитов. Самому ему не хотелось бы умереть с таким обтрёпышем перед глазами.

⁴ *Адвент* – название предрождественского периода, принятое в среде христиан католической церкви и некоторых протестантских деноминаций, аналогичное периоду православного Рождественского поста.

Впрочем, хоть так, худо-бедно, но он выполнил сыновний долг, не в пример Артнару, не соизволившему приехать из-за границы даже к смертному одру матери. Карлу пришлось одному исполнять то, что казалось ей таким важным: он возвращал ее знакомым и приятелям всякую одолженную ею когда-то ненужную ерунду, отправлял не отправленные ею письма и поздравительные открытки, таскал ей в больницу банковские справки и выписки – она непременно хотела знать, как будут обстоять ее финансовые дела после смерти. Он делал все это нехотя, через силу: бегал на почту то с одним письмом, то с другим, стучался в двери, протягивая удивленно таращившемуся народу то шкатулку, то книгу, то видеодиск. Наверное, таким образом мать хотела дать знать друзьям и родственникам, что лежит при смерти – через Карла. С этими поручениями ему невольно приходилось чаще бывать у нее в больнице, что его злило тогда и о чем он жалел теперь.

Сейчас Карл чувствовал бы себя лучше, если тогда, хотя б на эти несколько недель, перестал бы жалеть себя, выполнял побыстрее все ее поручения, а между этим сидел бы у ее кровати. Потому что, несмотря на все их встречи, нормальных посиделок вдвоем у них так и не получилось.

Впрочем, если разобраться, то вряд ли он смог бы сделать что-то лучше, даже если б у них с матерью было больше времени. Но что он сказал бы ей, какие слова могли убедить человека в том, что ты его действительно любишь, если твое к нему отношение годами говорило об обратном? Разве она не смотрела бы на него с недоверием, вспоминая, как он все время стыдился ее, не хотел, чтобы их видели вместе?

До пяти лет Карл не понимал, что его положение отличалось от большинства других детей, что его мать была гораздо старше других матерей, что в их семейной картине не хватало отца. Но когда ему исполнилось шесть лет и он пошел в первый класс, осознание этого свалилось на него так неожиданно и беспощадно, будто ему на голову выплеснули ведро ледяной воды.

Все началось с невинного вопроса, была ли это его бабушка. Любопытство быстро сменилось на ехидное хихиканье, когда он ответил, что нет, это его мама. Далее хихиканье стремительно переросло в обидные подколки на тему, что он называет бабушку матерью, а вскоре к этому прибавился и факт отсутствия отца. Смешки одноклассников надолго оставались болезненными ранками на его детской душе, вновь и вновь вскрываясь, еще не успев толком зажить. Самое дурацкое заключалось в том, что дети вряд ли понимали, как страдает Карл от их издевок; им, наверное, казалось, что ему так же смешно, как и остальным. Во всяком случае, Карл думал, что им так казалось.

А вообще это даже забавно, как один инцидент может наложить отпечаток на всю жизнь человека, оформить путь, по которому эта жизнь, как по рельсам, будет следовать все последующие годы. Насмешки детей в первый школьный день определили тон его будущих отношений с одноклассниками. Все детство Карла было окрашено равнодушием к нему сверстников, он никогда не пользовался популярностью, его особо не травили – просто не замечали.

Артнару пришлось пережить то же самое, только восемью годами раньше, однако ничего толкового он посоветовать младшему брату не мог. Или не хотел. Да и обстоятельства у них были разными, Артнар не старался казаться незаметным, ходил по школе с гордо поднятой головой, как вожак, хотя таковым не являлся. Многих это раздражало, но его не трогали, хотя и в друзья к нему никто не набивался. Видимо, в школе уже тогда знали, что Карл понял с только возрастом: Артнар не такой, как все, и лучше оставить его в покое. Такая субординация прекрасно устраивала их обоих: Артнар вообще не испытывал потребности в человеческом внимании, а Карл не горел желанием поддерживать то тусклое подобие общения, на которое только и был способен его брат.

Отрубив десять лет младшей и средней школы, Карл поступил в гимназию, но жизнь его при этом никак не изменилась. Напротив, она уверенно держалась той же одинокой дорожки,

на которую его вытолкнули еще в детстве. Друзьями он не обзавелся и почти никогда не посещал общественные мероприятия. Страх стоять изгоем на виду у всей гимназии заставлял его сидеть дома. Впрочем, ту массу свободного времени, которая образовалась у него по причине отсутствия друзей, он тоже не использовал с толком – балл аттестата по окончании гимназии получился хоть и не совсем провальный, но гораздо ниже, чем у Артнара. В организованное для выпускников путешествие по Азии Карл, естественно, не поехал – торчал дома, якобы обдумывая планы на будущее. «Обдумывал» целый год, а потом, когда невозможно было дальше оправдывать перед матерью свое безделье, поступил в университет, на химический факультет.

Там началась его третья учебная эпопея – все в той же роли одиночки. Он все так же редко выходил из дома, не обзавелся девушкой, да и друзей особо не прибавилось. Вообще мало кого можно было даже с большой натяжкой назвать его другом. Чаще это было что-то среднее между просто знакомыми и абсолютно незнакомыми. Впрочем, у него все же появилось два приятеля – Халли и Бёркур. Особой привязанности к ним Карл не испытывал, но выбирать ему было не из чего.

Недостаток в общении с другими людьми он компенсировал радиообщением. Оно подходило ему гораздо больше, хотя кому-то, кто был не в курсе, такое общение могло показаться слишком безличным: один передал – другой принял. Когда Карлу не хотелось говорить, он мог просто слушать или мёрзнуть.

Сейчас его внимание привлекло донесшееся из приемника потрескивание. Он надел наушники и осторожно коснулся ручки настройки. Скользнул глазами по стене – та была увешана вставленными в рамки QSL-карточками, которые он собирал все эти годы. Это были подтверждения его сеансов связи с другими радиолюбителями в разных отдаленных странах, в которых ему вряд ли когда-нибудь доведется побывать. Не все карточки удаивались чести висеть на стене – только те, которыми он особо дорожил; остальные лежали в ящике стола.

С тех пор как Карл получил последнюю QSL-карточку⁵, прошло немало времени. Это объяснялось тем, что он уже связался с большинством радиостанций почти во всех странах мира и теперь редко попадал на передачу с какой-нибудь еще не известной ему территории. Зачем устраивать музей, собирая горы подтверждений из одной и той же страны? Последний раз Карл собирал их, когда участвовал в соревновании на установление связи с как можно большим количеством станций в течение определенного периода времени. А это было полтора года назад. Такие соревнования устраивались и сейчас, но Карлу стало скучно в них участвовать.

Хотя, положа руку на сердце, участвовать в соревнованиях ему расхотелось, потому что он никогда не выигрывал и даже близок к победе никогда не был. А когда приходилось участвовать в командных соревнованиях, его преследовало чувство, будто над ним одним зависала начиненная неудачами туча. Так же как в школе, он быстро превратился в того, кого выбирают последним. Так же как в школе, его жгла за это обида. Так же как в школе, он не показывал виду, как ему от этого больно. Карл не знал, почему делал это, – возможно, чтобы избавить других от угрызений совести за то, что они старались от него избавиться? Наверное, лучше было бы обидеться, рассердиться, накричать и убежать в слезах. Но теперь было уже поздно что-либо исправлять.

Карл наклонился к микрофону:

– *CQDX this is Tango Foxtrot Three Kilo Papa standing by*⁶.

Код CQDX означал вызов радиокорреспондента за границей, а TF3KP был позывной Карла. Две первые буквы, TF, обозначали Исландию, тройка – столицу, а KP – его имя, Карл Петурссон.

⁵ *QSL-карточка* (карточка-квитанция) – документальное подтверждение факта проведения сеанса радиосвязи (QSO) между двумя радиолюбителями; такие карточки используются в качестве доказательства достижений радиолюбителя и являются основанием для присвоения радиолюбительских дипломов и других наград.

⁶ Си-Кью-Ди-Экс, это Танго-Фокстрот-Три-Кило-Папа, прием (*англ.*).

Впрочем, Петурссон не было его настоящим патронимом⁷. Петуром звали его деда по материнской линии. Карл был усыновлен и не знал, как звали его настоящих родителей. Мать отказывалась что-либо ему рассказывать, кроме того, что судьба их была ужасной и что лучше не ворошить эту давно канувшую в прошлое историю. Если верить ее словам, они давно умерли, и поэтому не было смысла их разыскивать. Карл быстро понял, что его вопросы о покойных родителях не вызывали энтузиазма и что вряд ли он когда-нибудь получит на них ответ. И он перестал и спрашивать, и размышлять о своем происхождении. Чего нельзя было сказать об Артнаре, который был тоже усыновлен. Они считались братьями, носили один и тот же патроним, но родства в них было не больше, чем у двух случайно севших рядом пассажиров в автобусе. Абсолютно разные, не похожие ни внешне, ни характером.

– *Tango Foxtrot Three Kilo Papa. Standing by...*

Карл сосредоточенно прислушивался, но ответа не последовало. Возможно, он ослышался или попал на самый хвост чьей-то передачи... Тем не менее решил попробовать еще раз:

– *Tango Foxtrot Three Kilo Papa. Standing by...*

Но в ответ опять тишина.

Карл вдруг вспомнил, что когда-то мечтал занять карточку из каждого штата США, но так и не дособирал до полного комплекта, сдался на полпути. Может, ему воскресить эту идею? Это не заняло бы много времени – у него уже были карточки из большинства штатов, а теперь, когда он жил в доме один, ему нечем было заняться после универа, кроме своего увлечения. Он только никак не мог определиться, хотелось ему заниматься этими карточками или нет. Так же как не мог решить, идти ему сегодня на собрание общества радиолюбителей или нет, а оно должно было начаться уже минут через сорок. Нет, наверное, лучше пропустить его, а вместо этого полистать учебники. С успеваемостью было неважно, Карл постоянно отставал от программы. Тот ничтожный интерес к химии, что присутствовал при поступлении в университет, теперь неудержимо испарялся. Письменный стол в другом конце комнаты давно собирал пыль; над ним безжизненно навис отклеившийся от стены угол плаката с Периодической таблицей элементов.

Может, интерес снова появится, если он серьезно засядет за учебу? Собрание не имело значения. Ничего нового собратьям-радиолюбителям он рассказать не мог, да и от них особых новостей не ждал. Число членов общества уменьшалось с каждым годом, и теперь в нем остались практически одни старики, с которыми у Карла было мало общих интересов. Они в основном общались в диапазонах 14, 22 или 28 МГц, в то время как Карл любил послушать отбивающих Морзе новичков и предпочитал ошиваться в диапазоне 3,5 МГц. Наверное, тут сказывалась разница в возрасте. На 28 МГц общались немногие и слишком уж заумные, по мнению Карла. К тому же стариков больше интересовала сама аппаратура, конструирование, а страсть Карла к одному лишь общению с любителями по всему миру разделяли немногие. Можно сказать, что после ухода из общества Бёркура и Халли Карл остался там один такой.

Он переставил штекер наушников из трансивера в свой старенький коротковолновый приемник «Коллинз» и плавно скользнул по низкочастотному диапазону, пока не дошел до знакомой ему станции, надеясь попасть на трансляцию. Карл не понимал ни слова, но все равно было ужасно интересно слушать передаваемые станцией сообщения: длинные ряды цифр и букв, зачитываемые механически-монотонными женскими, а иногда детскими голосами или передаваемые азбукой Морзе, треск, помехи и изредка – национальные песни. В принципе, ничего особенного в этих трансляциях не было, если б не скрывавшаяся в них загадка. Никто не знал, что они означали, и именно это делало их такими интригующими. Также было неизвестно, кто занимался дерзкими коротковолновыми передачами в диапазоне между 3 и 30 МГц, а такие волны отражались от ионосферы и распространялись на очень большие расстоя-

⁷ Так как в Исландии в качестве фамилий используются патронимы (отчества), Петурссон означает «сын Петурса».

яния, – гораздо бóльшие, чем были подвластны обыкновенному радиовещанию. Многие считали, что таким образом службы разведки передавали зашифрованные сообщения своим агентам или мафия – контрабандистам. Телефонные звонки, письма или компьютерные сообщения могли быть прослушаны, перехвачены, отслежены, а с радиопередачами все было гораздо сложнее.

В том-то и была прелесть. Ряды чисел, скрупулезно прочитываемые бесстрастными, холодными, но в то же время невинным голосами, могли быть приказами к нападениям или убийствам. Так же как и многим до него, Карлу мечталось расшифровать хотя бы одно такое послание. Но даже Артнар, в кои-то веки проявивший интерес к увлечению брата, в конце концов был вынужден сдаться. Не один час просидел он над заполненным цифрами листком с карандашом в руках, пока наконец в ярости не зашвырнул его в угол, добавив, что это полнейший идиотизм, ерунда и бессмыслица. Карл понимал, что, не зная шифр, прочитать такое послание было гиблым делом, но это не охлаждало его желания хотя бы попытаться.

Сейчас ему повезло – большинство радиостанций передавали в середине часового периода, а на часах как раз была половина восьмого, и Карл наткнулся на знакомую ему станцию под названием «Русский мужик». Хрипловатый мужской голос монотонно зачитывал цифры на русском языке, повторяя их снова и снова:

– А-динн, а-динн, пять, семь, пять, ноль, ноль...

Все радиостанции обычно следовали своему определенному шаблону: трансляции начинались каким-нибудь характерным только для этой станции обращением – например: «Ready? Ready?», «Achtung!», «¡Atención!» – обрывком мелодии или определенной, всегда одной и той же комбинацией цифр или букв. Такая прелюдия была визитной карточкой станции, давала понять, кто транслировал и для кого. Прелюдия повторялась несколько раз, прежде чем начиналась трансляция самого сообщения – начитка цифровых или буквенных рядов. Перед началом начитки обычно говорилось, сколько таких рядов содержит сообщение. Само сообщение, все целиком, повторялось несколько раз, а завершалась трансляция тоже всегда одинаково – как правило, коротким «конец передачи» или «конец связи» на том или ином языке. Однако встречались и примеры завершения трансляции отрывком мелодии или рядом нулей, как раз как в случае с «Русским мужиком». Карл слушал, как он отключался:

– Ноль, ноль, ноль, ноль...

Пауза, потрескивание эфира:

– Ноль, ноль, ноль, ноль...

Снова пауза и – завершающее:

– Ноль, ноль, ноль, ноль...

Трансляция прервалась.

Покрутив ручку поиска, Карл неожиданно для себя наткнулся на станцию, которую никогда раньше не слышал. Он наострил уши, особенно когда ему показалось, что передавали на каком-то из скандинавских языков. Сосредоточившись на настройке, Карл вслушивался до тех пор, пока трансляция совершенно не очистилась от шумов. Каково же было его удивление, когда он понял, что передача шла на исландском языке:

– ...девять, два, ноль, пять, шесть, девять...

Затем числовой ряд был повторен, и теперь Карл расслышал его полностью:

– Один, семь, ноль, три, девять, два, ноль, пять, шесть, девять...

Это был женский голос, такой же монотонно-механический, к каким он уже давно привык:

– Один, семь, ноль, три, девять, два, ноль, пять, шесть, девять...

Пауза. Карл откинулся на спинку стула, сцепив за головой руки.

– Один, семь, ноль, три, девять, два, ноль, пять, шесть, девять...

Расцепив руки, он потянулся к блокноту с ручкой, которые всегда лежали на столе рядом с ним. Но когда уже собрался записать цифры, началось чтение другой последовательности:

– Два, четыре, один, два, семь, девять, семь, три, один, девять...

Ручка не сразу поддалась, и Карл от волнения едва не переломил кончик стержня, прежде чем ему удалось в спешке записать: 2, 4, 1, 2, 7, 9, 7, 3, 1, 9.

Сообщение повторилось, и он проверил записанные им цифры. Попытался уловить в голосе акцент, но фраза звучала чисто – не похоже, чтобы читал иностранец. Может, какая-то исландская организация создала себе полулегальную или нелегальную номерную станцию? Маловероятно. Скорее всего, это была иностранная станция, выбравшая для сообщения исландский язык, чтобы сбить всех с толку. Но трансляция была чистой, слишком чистой для передаваемой издалека. Карл прислушивался к текущим по эфиру числам – нет, вряд ли это работа исландца. Не исключено, что кому-то из местных вдруг понадобилось передать секретное сообщение, но Карл мог побиться об заклад, что для этого был бы выбран Интернет. Короткие волны являлись слишком устаревшим способом общения для его сбрендивших на технологиях соотечественников.

Передача сообщений через Интернет была известным явлением; самым знаменитым по этой части были, наверное, пользователь Reddit, выкачивающий в эфир тонны чисел в шестнадцатой системе счисления, и Webdriver Torso на канале «Ю-тьюб» со своими одиннадцатисекундными видео плавающих по экрану разноцветных прямоугольников под режущее слух звуковое сопровождение. Что-то такое было бы в духе исландцев – но не радиотрансляции на коротких волнах. И, словно чтобы еще больше уверить Карла в собственных выводах, голос в радиоприемнике опять переключился на начальный цифровой ряд:

– Один, семь, ноль, три, девять, два, ноль, пять, шесть, девять...

Поспешно записав диктуемые цифры в блокнот, Карл ошарашенно уставился на них. Тщательно, цифра за цифрой, проверил, когда голос в эфире повторил последовательность:

– Один, семь, ноль, три, девять, два, ноль, пять, шесть, девять...

Все правильно, числа сходились. Это, наверное, дурацкое совпадение. Или шутка? Может, кто-то решил над ним приколоться?

Цифры образовали его идентификационный номер⁸.

Карл посмотрел на другую последовательность: 2412797319. Это тоже мог быть чей-то идентификационный номер. Он вбил цифры в поисковик телефона, и на экране всплыло 122 результата – ни одного на исландском языке. Попробовал вставить в нужное место дефис – бинго! Владельцем номера оказалась женщина, о которой он никогда не слышал, – Элиза Бьяртнадоттир. Карл попытался найти ее фотографии, но это никак не помогло – лицо показалось ему таким же незнакомым, как и имя.

Карл отложил в сторону телефон. Во всем этом было что-то странное и жутковатое. Невозмутимо-холодный голос закончил трансляцию словами: «Пока, продолжение позже». Затем последовал обрывок мелодии, протреньканный на детской жестяной шарманке. И – тишина.

От окна все еще доносилось жалобное жужжание. Повернувшись на звук, Карл некоторое время раздумывал: может, открыть мухе окно и выпустить ее на свободу, которой она так жаждет? Понятно, что она очухнется на морозе раньше, чем в комнате, зато – счастливой... Но донесшийся из наушников звук человеческого голоса заставил его забыть о мухе. Таинственная станция снова начала трансляцию:

– Привет. Привет. Привет.

⁸ *Исландский идентификационный номер* – это последовательность из 10 цифр, 6 первых из которых обозначают день, месяц и год рождения человека. ИН обычно пишется с дефисом между шестой и седьмой цифрой.

Чтение комбинаций возобновилось. Карлу было ясно, что ни на какое собрание радиолюбителей он сегодня не попадет. А жаль – как раз сегодня ему было бы о чем там рассказать. Хотя, наверное, лучше пока об этом не распространяться, вдруг это просто кто-то валяет дурака...

Карл сосредоточился на голосе в эфире, а муха, в последний раз шлепнувшись о стекло, затихла, закончив свой земной путь.

Глава 4

Маргрет, казалось, и не подозревала, что за ней наблюдают. Она едва умещалась на небольшом диванчике, рядом с водруженным с ней огромным плюшевым медведем, к которому она за все время даже не прикоснулась. Ее зеленоватые глаза беспокойно блуждали по неброско обставленной комнате, не находя, за что бы зацепиться. Девочка избегала взгляда молодой женщины, сидящей в кресле напротив нее и пытавшейся поддерживать беседу незамысловатыми вопросами. Женщину звали Силья. Обращаясь к Маргрет, она мягко улыбалась и старалась не слишком часто смотреть на большое зеркало на стене напротив дивана. Девочка же, напротив, часто задерживала на нем взгляд, подолгу разглядывая в нем собственное отражение и совершенно не отдавая себе отчета в том, что на нее смотрят с другой стороны. Маргрет еще не произнесла ни слова в ответ на вопросы Сильи, она лишь слабо кивала или отрицательно мотала головой. Но это не имело значения – Силья еще не дошла до вопросов, касающихся происшедшего. Ей прежде всего нужно было установить с девочкой доверительный контакт, к тому же все ожидали задерживавшегося где-то следователя.

– Нет, это невозможно! Где этот чертов полицейский?

Девочку сюда привел ее дед по отцу – мужчина лет шестидесяти на вид; его вьющиеся волосы были настолько белыми, что казались прозрачными. Он был небрит, один край безжалостно скомканного воротника рубашки жестко торчал вверх до самого подбородка. При нормальных обстоятельствах Фрейя удивилась бы, как такой воротник не раздражает его, но в это место обычно являлись люди, совершенно выбитые из привычной им обыденности, и поэтому сейчас на это никто не обращал внимания. Работникам этого заведения приходилось видеть кое-что и похуже. У мужчины имелось достаточно забот, кроме бритья и воротника рубашки, – его невестка найдена убитой, сын все еще за границей, а на них с женой свалились три перепуганных, охваченных горем ребенка, и они понятия не имели, как им помочь. При разговоре мужчина чуть заметно брызгал слюной; крошечные капельки падали на лакированную поверхность стола, блестели там некоторое время и исчезали. Присутствующие старались делать вид, будто не замечают этого.

– К чему эти бесконечные вопросы о школе и ее друзьях? Разве вы не видите ее состояние? На кой черт такие вопросы? Вам что, больше не о чем здесь поговорить?

Собравшиеся за столом дружно уставились на представителя прокуратуры, Конрауда Бьяртнасона; по общему мнению, он был здесь главным, и отвечать на вопросы мужчины являлось его обязанностью. Фрейя была мало знакома с этим самым Конраудом, но небольшой опыт их общения по другим делам не наполнял ее энтузиазмом. Конрауд, похоже, был из тех типов, которые каждое утро перед работой натирались маслом в надежде, что любая ответственность, не зацепившись, соскользнет с них, как с гуся вода. Вот и сейчас он сидел как ни в чем не бывало, опустив взгляд на свой пестрый, совершенно не вяжущийся с серьезностью ситуации галстук и строявая с него воображаемые пылинки.

После затяжной паузы, когда стало ясно, что ответа от Конрауда не дожидаться, все взгляды устремились на Фрейю. Ей вряд ли подходила такая тактика – сидеть и молчать, пока внимание не переключится на кого-нибудь другого. Если б все подхватили эту игру, им пришлось бы просидеть здесь весь день.

Фрейя раздумывала, как лучше успокоить деда девочки. Не имело смысла извиняться и объяснять, что вызов был срочным и что у нее не имелось времени толком подготовиться к снятию показаний его внучки. Хотя это и было чистой правдой: мало того, что у нее отсутствовала возможность предварительно поговорить со следователем, занимавшимся этим делом, ей даже еще не сообщили его имени. С ней просто связались из Управления полиции

и поручили сформировать кризисную группу для работы с ребенком, а руководить снятием показаний должен был следователь, который так до сих пор и не появился.

Откашлявшись, Фрейя постаралась принять невозмутимый вид. Она чувствовала, что плохо стянутый на затылке хвост уныло съехал на шею – на сборы ей сегодня выдалось времени не больше, чем деду Маргрет. Когда позвонили из полиции, Фрейя, заспанная, в домашнем халате, сидела на кухне за первой субботней чашкой кофе, и то время, которое она могла использовать на наведение марафета, ушло на сбор специалистов: психолога Сильи, которая должна была вести беседу с ребенком, представителя Комитета защиты детей, врача, медсестру. Двое последних не были постоянными работниками Дома ребенка, а вызывались только по необходимости. Фрейя позвонила им на тот случай, если ребенок подвергся физическому насилию – вдобавок ко всему остальному, ей казалось надежнее подстраховаться; мало ли что можно было ожидать от чудовища, убившего молодую женщину в ее собственной постели. Эта мера оказалась ненужной – девочка, как оказалось, уже прошла медицинское обследование, хотя Фрейю об этом никто не известил. Когда это выяснилось, и врач, и медсестра уже были в Дом ребенка, и Фрейя решила, что их присутствие не помешает, тем более что и так пришлось бы заплатить им за экстренный вызов.

Было очень важно, чтобы опрос девочки прошел как можно продуктивнее – не каждый день полиция в подобных делах просила помощи у Дома ребенка. Хотя к ним всегда обращались при подозрении на преступления на сексуальной почве, опыта работы с детьми, замешанными в иного рода преступления, у Дома ребенка было мало. Фрейе объяснили, что Маргрет наотрез отказалась переступить порог полицейского отделения и ни в какую не хотела отвечать на вопросы следователя в доме ее деда и бабушки. Поэтому и было решено прибегнуть к такой чрезвычайной мере – помощи специалистов Дома ребенка, и было важно показать себя с лучшей стороны, показать, на что они способны; ведь неизвестно, получают ли они еще когда-нибудь такую возможность. А если все пойдет наперекосяк, всю вину свалят на нее, и единственное, что она из всего этого получит, – выговор от Комитета защиты детей.

Фрейя была директором Дома ребенка и отвечала за все, что в нем происходило. Она работала здесь всего четыре месяца, и это дело было, пожалуй, самым значительным из всех, с которыми ей уже пришлось столкнуться. Если вообще то, чем занимался Дом ребенка, можно было как-то распределить по мере значимости. Все дела касались жизни реальных невинных детей, когда эта жизнь в одно мгновение могла обрушиться, – и сколько было радости, если подозрения в преступлениях против них оказывались беспочвенными... К счастью, такое случилось не так уж и редко, но к сегодняшнему делу это уж точно не относилось.

Представитель Комитета многозначительно поднял брови. Фрейя поняла его послание – молчание за столом слишком затянулось. Натянув на лицо дежурную улыбку, она повернулась к мужчине. По другую сторону стекла его внучка, беспокойно ерзая на диванчике, не сводила глаз с закрытой в комнату двери, и весь внешний вид деда говорил о том, что его терпение на пределе.

– Я вас понимаю. Со стороны может выглядеть, что вопросы психолога ни к чему не ведут, но, поверьте, они не так бессмысленны, как может показаться. Силья – специалист в технике опросов, разработанной для детей, попавших в такую ситуацию, как ваша внучка. Сейчас важно, чтобы ребенок почувствовал к психологу доверие, прежде чем тот сможет перейти к более серьезным вопросам.

– Ох, надеюсь, вы знаете, что делаете... Пока что не видно, что ей от этого легче. – Горестно вздохнув, мужчина покачал головой.

– Давайте положимся на компетентность специалиста.

Краем глаза Фрейя заметила, как Силья легонько постучала пальцем по уху, как бы давая знать, что скрытый там вкладыш мог быть неисправным. И неудивительно: сидя в допросной

комнате, она ожидала информации, которая помогла бы ей направить беседу с ребенком в нужное русло, но вместо этого в наушнике стояла гробовая тишина.

Фрейя включила микрофон:

– Силья, следователь еще не приехал. Можешь продолжать в том же духе, если считаешь это целесообразным. В противном случае сделаем паузу или отложим опрос.

Женщина за стеклом подняла большой палец руки в знак того, что сообщение получено. В колонках в комнате наблюдателей послышался еще один вопрос, теперь о домашних зверях:

– Маргрет, у тебя есть собака? Или, может быть, хомяк?

Девочка помотала головой, заставив рыжие локоны закачаться. Один застрял в уголке рта, и она высвободила его белым как снег пальчиком. Ее кожа была такой светлой, будто никогда не видела солнца.

Мужчина, не отрывая глаз, следил за происходящим за стеклом. Он казался таким же потерянным, как и в момент, когда Фрейя увидела его впервые, когда он вел свою внучку по подъездной дорожке. Два отведенных Дому ребенка парковочных места к их приезду уже были заняты, поэтому ему пришлось припарковаться в самом начале улицы и пробираться к дому по свежеснеженному снегу. Было заметно, как тяжело давался им каждый шаг – девочка то и дело останавливалась, рассеянно глядя на здание, и каждый раз дед наклонялся к ней и что-то говорил, стараясь ее подбодрить. Теперь он вздыхал, видимо, сожалея, что не поддался желанию ребенка вернуться домой.

– У них был кот, его задавила машина. Тогда мы думали, что это самое большое горе, которое им пришлось пережить...

Фрейя снова наклонилась к микрофону:

– Силья, не спрашивай о домашних животных. У них был кот, он попал под машину.

Женщина за стеклом снова дала сигнал, что услышала сообщение. Сменив тему, она спросила, есть ли у девочки санки и удалось ли ей уже покататься на них в этом году.

Фрейя посмотрела на висевшие на стене часы и решила подождать еще десять минут. Если следователь не появится, им придется перенести снятие показаний на другой день. Слишком рискованно держать ребенка дольше. Первая встреча обычно имеет решающее значение. А девочке, скорее всего, придется прийти сюда снова. И не один раз. Все захотят услышать ее историю – полиция, судья, адвокат человека, которому в конечном итоге будет предъявлено обвинение, прокурор. Было бы чудом за один сеанс выудить из нее информацию, которая удовлетворила бы всех их.

На столе перед Фрейей засветился экран телефона. Звонили из арендного агентства, разыскивавшего для нее жилье. Ей очень хотелось ответить – за немногие выставившиеся на съем квартиры шла настоящая битва. Фрейя была уверена, что к тому времени, когда она сможет перезвонить в агентство, квартира уплывет. Но поднять сейчас трубку было невозможно. Значит, придется пока довольствоваться жилплощадью брата. Разница между этой квартирой, а по сути конурой, и квартирой, в которой она до недавнего времени проживала со своим сожителем, была, мягко говоря, существенной. Ее бывший был весьма не бедный экономист, на очень хорошей должности, а брат сидел в тюрьме. В прекрасной квартире экономиста у Фрейи не было и сантиметра собственности, так что она вышла из отношений такой же нищесборкой, какой и вступила в них. Спасибо обстоятельствам брата, что вообще не осталась на улице. Он должен был сидеть еще год, и, похоже, ей потребуется не меньше времени, чтобы найти себе квартиру. Другой вариант был бы тоже неплох: встретить хорошего мужичку, влюбиться и переехать к нему, – но, судя по «успехам» в ее личной жизни в последние месяцы, скорее президенту Исландии вздумается явиться в тюрьму и подписать ее брату-рецидивисту помилование.

Фрейя не раз предпринимала попытки завести хорошее знакомство, регулярно выходила в город с подружками – где-нибудь посидеть, постоять или потанцевать, в то время как глаза

неустанно выискивали в окружавшей толпе достойно выглядевшего мужчину своей мечты. С внешностью ей повезло, да и одеться-накраситься правильно вкуса хватало. Так что вроде и не было особых препятствий на пути к счастливой семейной жизни; однако в реальности все выходило не так. Дважды Фрейя знакомилась с мужчинами, которые устраивали ее абсолютно всем; оба были очень приятной внешности и, казалось, искали того же, что и она. В обоих случаях завязывался разговор на пару-тройку коктейлей, получавший продолжение уже у нее дома. Первый кавалер сломался, когда они уютно, бочок к бочку, устроились на продавленном братовом диване. Неожиданно, весь залившись слезами, он поведал ей, что гей и что не решался в этом кому-либо признаться, так как работал массажистом и боялся потерять всех клиентов мужского пола. Фрейе ничего не оставалось, как разочарованно вздохнуть, а потом сидеть и убеждать его поступить правильно. Она понятия не имела, принял ли он ее советы, так как с тех пор его больше никогда не видела.

Со вторым все получилось гораздо лучше. Во всяком случае, в начале. Этого звали Йоунас; по профессии он был плотником, только что переехал в Рейкьявик из местечка Эгильсстадир. Йоунас, слава богу, оказался гетеросексуалом, и хотя их общение поначалу, пока они еще находились в вертикальном положении, было слегка неловким, в постели все пошло как по маслу. Но когда она проснулась на следующее утро, мужчина исчез – да так до сих пор и не дал о себе знать. Это было тем более обидно, потому что засыпала она рядом с ним почти счастливой, уверенной, что наконец-то встретила достойного мужчину, с которым стоило попробовать что-то серьезное. Получалось, что этот Йоунас явно был другого мнения...

Часы на стене показывали, что прошло уже пять минут из отведенных ею десяти. Из динамика вдруг донесся грустный, но чистый голос Маргрет. Неожиданно для всех перехватив инициативу, она заговорила сама:

– А почему там такое большое зеркало?

Все повернулись к окну в допросную комнату. Девчушка застыла, уставившись на зеркало, и, казалось, смотрела в упор на каждого из них. Силья тоже обернулась к зеркалу. Она сидела к нему ближе, и поэтому Маргрет не могла увидеть того взгляда, который Силья послала Фрейе. Их секрет был раскрыт. Для таких случаев между ними был уговор: рассказать правду о «зеркале»; они считали, что требовать от ребенка откровенности, в ответ утаивая от него правду, неправильно.

Зеркало в комнате появилось не так давно, раньше за беседами с детьми наблюдали через видеокамеру. Это изменение Фрейя предложила вскоре после вступления на пост директора. Ей казалось, что наблюдение опроса на экране искажает эмоциональное восприятие субъекта, вызывая невольные ассоциации с телевидением. Новшество пришлось кстати – все сошлись на том, что возможность наблюдать за ребенком в натуральную величину, а не за его уменьшенной телеверсией, помогала лучше оценить происходящее в опросной комнате.

Силья повернулась к Маргрет. Ее голос звучал так же спокойно, но улыбка потускнела:

– Это немножко волшебное зеркало. С другой стороны оно похоже на окно. Через него люди могут смотреть, как мы здесь разговариваем, не заходя к нам в комнату. Иначе у нас здесь было бы очень тесно. Как тебе кажется, здорово придумано?

Покусывая нижнюю губу, Маргрет потрянула головой и нахмурилась.

– А есть там кто-то сейчас? – сердито и в то же время испуганно спросила она.

– Да. – Зажатая в руке Сильи ручка взлетела в воздух, будто дирижировала невидимым оркестром. Фрейя уже знала этот жест – он появлялся, когда Силья волновалась.

– Кто?

– Ну, например, твой дедушка.

Маргрет отвела взгляд от зеркала и уставилась на лежащие на коленях ладошки.

– Я не хочу с тобой разговаривать, я хочу домой!

Но вдруг, спохватившись, поправилась:

– Я хочу к бабушке и дедушке. Я не хочу домой!

– Но мы только начали. Может, поговорим чуть подольше? Тогда тебе не нужно будет в ближайшее время сюда возвращаться.

Девочка насупилась:

– Я не хочу быть здесь. Я хочу к дедушке!

Фрейя включила микрофон:

– Силья, заканчивай, этого достаточно. Следователь еще не пришел, а ее настроение ухудшается. Нам просто придется все повторить, когда она будет к этому готова.

Нередко в сложных делах с детьми приходилось прекращать первый опрос раньше, чем планировалось. Иногда из-за плохого самочувствия ребенка, иногда из-за того, что психологу не удавалось наладить с ним надлежащий контакт. В таких случаях считалось полезнее не форсировать ситуацию, а отложить опрос до лучших времен.

Но тут вдруг ожил представитель прокуратуры, Конрауд:

– Я предлагаю продолжить. Следователь, я так думаю, уже на подходе, а получить ее показания как можно скорее исключительно важно. Напоминаю вам, что было совершено убийство, а она является единственным свидетелем.

– Ее зовут Маргрет! – Голос медсестры прозвучал неожиданно мрачно. – Это вам как минимум стоило бы уяснить!

Эта медсестра работала по вызовам в Дом ребенка со дня его основания – уже семнадцать лет – и навидалась за эти годы столько чужого горя, что это могло, как опасалась Фрейя, отразиться на ее характере. На работе она почти никогда не улыбалась и быстро вскипала, если ей что-то не нравилось, – например, как сейчас.

– А вам как минимум стоило бы уяснить, что мы ни в коем случае не обязаны снимать ее показания здесь. Это всего лишь рекомендация судьи, предложение, так сказать, альтернативного способа. По моему личному мнению, нам нужно было держаться первоначального плана и допрашивать ее в отделении полиции! – Побагровевший цвет лица представителя прокуратуры теперь плохо гармонировал с его пестрым галстуком.

Йоухан из Комитета по защите прав ребенка незаметно под столом толкнул ногой Фрейю, но та и сама понимала, что ситуация выходит из-под контроля. Дом ребенка находился в ведении Комитета, и поэтому Йоухан являлся ее начальником. Говоря как можно размереннее, она попыталась разрядить ситуацию:

– Давайте не будем нагнетать обстановку. Все мы понимаем, насколько важны ее показания, но не надо забывать, что мы являемся экспертами в работе с детьми и знаем, когда необходимо прерывать опрос. Я также должна напомнить, что в происходящем здесь нельзя винить наших специалистов. Где представитель полиции, который должен был задавать вопросы? Нам ничего не известно ни о происшедшем, ни о самом расследовании. Нам только сказали прибыть сюда в десять часов, что мы и сделали, в том числе Маргрет и ее дедушка. Такая обстановка сложилась по вине вашего неявившегося человека.

Фрейя надеялась, что Конрад не станет дудеть о том, что прокуратура – не полиция и что они не отвечают за явку или неявку ее представителей; а для Фрейи они все были одного поля ягоды.

Благосклонно прикрутив багрянец в лице, Конрауд схватился за телефон, поспешил выбрать из памяти номер и обрушился с громкими ругательствами на того, кто ответил. И этим он нарушил одно из немногих правил поведения, объясненных ему в начале встречи. Зеркало не обеспечивало полной звукоизоляции, и поэтому людей всегда просили говорить вполголоса, когда в опросной комнате находился ребенок. Громкий шум вблизи микрофона мог также помешать тому, кто вел опрос, и даже нанести вред его слуху.

– Пожалуйста, тише! – умоляюще сигнализировала ему руками Фрейя, но он отвернулся от нее, продолжая отчитывать своего собеседника.

Фрейя краем глаза заметила, что Маргрет уставилась в зеркало. Силья, раздраженно нахмурившись, тоже смотрела в зеркало. Ее работа состояла в том, чтобы успокоить Маргрет, чтобы ребенок почувствовал себя комфортно. Она качнула головой, подняв вверх руки, и Фрейя прочитала на ее губах беззвучный вопрос: «Что происходит?»

И тут, пробиваясь сквозь крики Конрауда, послышались тихие всхлипы. Они становились все громче и громче, пока не заполнили всю комнату. Даже Конрауд, замолчав и опустив телефон, глядел через стекло на вставшую на ноги, дрожавшую всем своим худеньким тельцем, давившуюся безудержными рыданиями девочку.

Силья еще не успела сообразить, как лучше ее успокоить, когда между всхлипами послышались чуть слышные обрывистые слова, доносимые в комнату заседаний динамиками:

– Черный человек тоже там? За зеркалом? – Она вся съежилась, избегая смотреть в сторону зеркала.

– Нет-нет, Маргрет, там только люди, которые желают тебе добра. Кто этот черный человек?

Силья, мягко положив руки на плечи Маргрет, попыталась усадить ее обратно на диван, но это у нее не получилось.

– Он сделал моей маме больно. – Голос девочки был полон такой муки, что у некоторых из собравшихся к горлу подкатил ком.

– Ты видела этого человека, Маргрет?

– Да, он черный.

Силья скосила вопросительный взгляд на зеркало, и Фрейя, наклонясь к микрофону, сказала ей продолжать. Едва заметно кивнув, Силья снова обратилась к девочке – очень мягко и спокойно:

– Маргрет, сейчас тебе нужно хорошенько подумать. Этот человек был черным, потому что в доме было темно, или ты говоришь о каждом покрове?

– Я не знаю, что такое покров...

– Кожа. У него была темная кожа?

– Да.

Облизнув губы, Силья продолжила:

– Ты видела его руки?

Девочка потрясла головой. Шмыгнув носом, она неуклюже возила ладошками по щекам, вытирая слезы.

– Нет, голову. Я видела его голову.

– Ты видела его лицо, Маргрет?

– Нет. Не лицо. Только черную голову. Сзади. У него большая голова. – Маргрет повернулась к зеркалу спиной. – Я хочу к бабушке, я больше не буду говорить. Я не хочу говорить!

Силья попыталась успокоить ее, но не добилась больше ни слова. Опрос, похоже, был окончен – и как раз в тот момент, когда забрезжила надежда хоть на какой-то результат! Можно было смело сказать, что они потерпели неудачу. Силья села, тяжело вздохнув.

В этот момент и появился наконец представитель полиции. Шагнув в комнату и увидев Фрейю, он заметно ступешевался и покраснел. Она от неожиданности тоже потеряла дар речи, на мгновение забыв о происходящем вокруг. Перед ней стоял не кто иной, как плотник Йоунас из Эгильсстадир. С минуту они тарачились друг на друга; она – как грозовая туча, он – как пораженный молнией. Наконец, отведя от нее взгляд, мужчина обратился к сидящим за столом:

– Меня зовут Хюльдар, я из полиции. Прошу прощения за опоздание, на это были уважительные причины.

Глава 5

Хюльдар ко многому привык, работая в полиции. Он редко чувствовал себя желанным гостем, являясь куда-нибудь по долгу службы, – чаще всего люди вынуждены были общаться с ним не по своей воле и вели себя так, будто от него исходил какой-то специфический запах. В их укоряющих взглядах можно было прочесть, что все происходящее, конечно же, его вина, ну и, возможно, сопровождавшего его полицейского. Однако Хюльдара это никак не задевало. Ему было без разницы, что о нем думали другие; они могли плевать на него, осыпать ругательствами, слать ему злобные взгляды – для него это не имело значения, ничто не могло выбить его из колеи. Он был единственным пацаном в семье, к тому же младшим; пять его старших сестер хорошенько потрудились над тем, чтобы он вырос совершенно невосприимчивым к любым выпадам окружающих в его адрес. Хотя справедливости ради надо сказать, наскоки сестер не шли ни в какое сравнение с наездами простых обывателей, когда те бывали подшофе.

Тем неприятней было осознавать то, что он неожиданно для себя покраснел, войдя в небольшую комнату для наблюдения. Там сидели шесть человек, трое мужчин и трое женщин; идеально отлакированный продолговатый стол четко разделял группу надвое по половой принадлежности. Все, как по команде, воззрились на Хюльдара, молча буравя его взглядами, пока он извинялся. Но не их прохладный прием был причиной его смущения. Хюльдар молча проклинал себя за то, что не сообразил предварительно выяснить состав кризисной группы. Имя Фрейя включило бы сигнал тревоги и дало бы ему возможность подготовиться к их неожиданной встрече. Он мог бы позвонить ей заранее и даже попросить ее закрыть глаза на историю их отношений до окончания собеседования с ребенком. А теперь Хюльдар был поставлен перед выбором: выносить ее уничтожающие взгляды или выяснять отношения при всех, что, естественно, было исключено. Какое-то время он раздумывал, не попросить ли Фрейю выйти с ним на минутку для разговора, но по ее лицу понял, что вряд ли она сейчас на это настроена.

– Что это вообще значит, являться с таким опозданием? – набросился на Хюльдара некто в пиджаке, казавшемся севшим при стирке. Этот так называемый стиль, видимо, был в моде – все банки и юридические фирмы нынче забиты молодцами в подобных облачениях. То же касалось и галстука – по всей видимости, люминесцентного. Очень умно! Стрижка слишком уж ухожена, чтобы выглядеть естественно, – как, видимо, было изначально задумано. Между кричащим ярмарочным галстуком и глянцево прилизанным причесом торчало невыразительное, тусклое лицо, которое невозможно было ни описать, ни запомнить, – лицо, о котором мечтают преступники. Его нельзя было назвать ни уродливым, ни красивым, ни грубо скроенным, ни мягко очерченным; на нем не было ни шрамов, ни веснушек – только расположенные в нужных местах глаза, рот и нос. Поэтому Хюльдар не сразу сообразил, где он видел этого человека раньше. Кажется, это был прокурор, звали его Конрауд, и в любом случае такое начало их отношений было совсем некстати.

Однако Хюльдар даже обрадовался, что его распекают, – сейчас он приветствовал все, что угодно, лишь бы не разговаривать с Фрейей. Он тут же проникся пониманием в адрес прокурора, ибо мало что так мобилизует на работу, как хорошая взбучка. В последнее время следователей стали направлять на курсы подготовки управленческих кадров, где делался упор на тактику одобрений и поощрений, однако в реальных отношениях между начальством и подчиненными такая метода работала куда менее эффективно. По крайней мере, Хюльдару трудно было представить похвалу, которая могла бы подействовать на него так же, как нагоняй. Да и вряд ли было уместно сейчас качать права – напротив, по мнению Хюльдара, стоило как раз включить мягкую дипломатию. Наглый тон вряд ли пришелся бы по вкусу расфуфыренному законоведу, не говоря уже о прочих.

– Как я уже сказал, на это были уважительные причины.

Хюльдар не стал поминать своего тупоголового шефа Эгиля, который никак не мог решить, кто должен руководить следственной группой. То, что выбор пал на Хюльдара, стало для него самого полной неожиданностью – он давно привык, что назначения на ответственные посты обычно обходят его стороной. В таких случаях выбор падал на более опытных, в годах, следователей – хотя и не настолько в годах, чтобы считаться уходящими на заслуженный отдых, – так что у Хюльдара было мало шансов в ближайшее время вскарабкаться по служебной лестнице. Да и выделялся он из основной массы сотрудников не совсем выгодно: и думал не в такт со всеми, и беспрекословным выполнением приказов свыше особо не отличался. Как следствие, у него было мало влиятельных друзей, поэтому в то время, когда его коллеги обсуждали вероятного руководителя расследованием, Хюльдар спокойненько попивал кофе, совершенно уверенный, что его кандидатура никому и в голову не придет. Короче, это припоздавшее решение шефа ошарашило не его одного...

Установившуюся тишину нарушил сидевший за столом пожилой мужчина с всклокоченными волосами. Одежда сидела на нем как-то неудобно, перекошенно; пальцы больших, покоящихся на столе ладоней переплетались, словно в молитве.

– С меня достаточно, я забираю Маргрет домой.

Хюльдар сообразил, что это дед девчухи и, в отсутствие отца, ее временный опекун. Отец прилетел утром из Штатов, был встречен в аэропорту и доставлен прямиком в отделение для допроса, который, насколько было известно Хюльдару, еще не закончился. Если б его бестолковый шеф разродился решением раньше, этот допрос вел бы сам Хюльдар, а теперь ему придется довольствоваться протоколом.

Через встроенное в стене комнаты окно Хюльдар увидел плачущую Маргрет; ее утешала одетая в желтое платье темноволосая молодая женщина. Из стоявшего в центре стола динамика доносился сливавшийся со словами женщины детский плач. После того что Хюльдар увидел на месте происшествия, было не удивительно, что девочка плакала. Судья принял решение провести собеседование в Доме ребенка, когда стало ясно, что уговорить девчуху даже войти в здание полиции невозможно. Созерцая эту грустную картину, Хюльдар был чрезвычайно рад такому обороту; он не мог представить себя на месте женщины, вытиравшей сейчас слезы Маргрет, – вдобавок в пустой мрачной комнате для допросов в их отделении.

Плач ребенка явно действовал на всех угнетающе. Фрейя потянулась к динамику и выключила звук. В комнате повисло тягучее молчание, и внимание присутствующих отвлеклось от Хюльдара. Все теперь смотрели на Маргрет и женщину в желтом платье, будто зачарованные развернувшимся на огромном экране беззвучным телешоу. Никто не проронил ни слова, но все, видимо, думали об одном и том же: что довелось увидеть или услышать этому ребенку?

До сих пор было неясно, как долго девочка находилась под кроватью и как там оказалась. Вряд ли она залезла туда уже после убийства, и поэтому напрашивался логичный вывод, что у нее есть важная информация о событиях ночи. Ее братья, которых нашли возле дома, ничего не слышали, поэтому от полученных от них сведений было мало толку.

Их уже опросили, все прошло хорошо. Показания были последовательными; несмотря на юный возраст, оба довольно четко описали случившееся с ними. Они проснулись утром, двери комнаты были заперты; когда на их зов и стук никто не откликнулся, они вылезли через окно на улицу, где их увидела соседка.

Последняя утверждала, что в эту ночь она спала как убитая, а ее муж сказал, что просыпался несколько раз от какого-то неясного шума, но что это было, так и не смог объяснить. Следователи сошлись во мнении, что, возможно, Элизе удалось несколько раз закричать, пока убийца занимался приготовлениями. Между окнами спален двух домов было всего несколько метров, так что крик Элизы мог спокойно донестись к соседям через открытую форточку.

Соседи с другой стороны вообще не заметили ничего подозрительного – никакого движения вблизи дома, никаких гостей или посторонних.

Таким образом получалось, что, не считая самого преступника, Маргрет являлась единственным человеком, способным пролить хоть какой-то свет на происшедшее. Утром было невозможно уговорить ее вылезти из-под кровати, и в конце концов Хюльдару пришлось тащить ее оттуда силой. Не без трудностей, но все же получилось обставить все так, что, выходя из комнаты, девочка не увидела тела матери и ужасной обмотки на ее голове. В доме из Маргрет не удалось выудить ни слова, и после нескольких неудачных попыток судмедэксперт потребовал, чтобы Хюльдар оставил ее в покое и отправил в больницу на обследование – он был обеспокоен ее эмоциональным состоянием.

После больницы Комитет защиты детей решил до приезда отца поместить детей у бабушки и дедушки по отцовской линии. Всем участникам расследования было ясно, что опрос девочки лучше закончить до того, как она встретится с отцом. С ним, скорее всего, будет труднее договориться, чем с дедом и бабушкой, – в данный момент он мог находиться в состоянии шока либо охранять какие-то свои интересы. Большинство убийств женщин по месту жительства так или иначе связано с их супругами или любовниками. У следствия пока не было подтверждения, что он находился за границей к моменту смерти жены, хотя вроде бы все на это указывало. Но такое алиби все равно не освободило бы его от подозрений. Если, например, выяснится, что у них в семье были проблемы, не исключено, что он мог нанять для убийства кого-нибудь другого.

Эти размышления напомнили Хюльдару о том, как важно снять показания именно сегодня, безотлагательно. Но тут, похоже, уже все накрылось, так и не начавшись, – дед девочки вскочил на ноги, и взгляд его отнюдь не говорил о готовности задержаться хоть на минуту дольше.

Хюльдар решил было попытаться счастья, надавив на его сознательность и уговорив остаться еще на какое-то время, но мужчина опередил его:

– Это черт знает что, я не могу здесь больше находиться! Как попасть в эту комнату?

Он стоял, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, и, казалось, был готов проломиться к своей внучке через смотровое стекло.

– Пойдемте со мной, я провожу вас, – обратилась к деду не знакомая Хюльдару женщина.

Выражение ее лица было суровым, хотя окружавшие глаза морщинки и глубокие, расположившиеся по краям ее губ полукруглые складки выдавали в ней улыбчивого человека. По пути из комнаты она послала Хюльдару такой взгляд, что у того заныло в боку, будто его ткнули под ребра локтем. Бейджик на ее груди сообщал, что это медсестра.

– Черт! И что теперь делать? – Конрауд из прокуратуры, похоже, не мог определиться, злит его эта ситуация или ставит в тупик.

– Хоть о чем-то ее успели спросить? – По сравнению с Конраудом Хюльдар был само спокойствие.

Он давно освоил особую технику, и теперь несдержанность других действовала на него успокаивающе – в этом тоже была заслуга его сестер. Благодаря этому он выходил победителем в большинстве их ссор. Данная техника не срабатывала лишь в его личной жизни – безотказно действующая во всех остальных случаях, она давала сбой в разборках с его немногочисленными сожительницами. В пылу семейных стычек Хюльдар всегда умудрялся неосмотрительно наговорить лишнего, после чего отношения тускнели и мало-помалу распадались, несмотря на все его попытки исправить положение. Он боялся, что предстоящий разговор с Фрейей может закончиться так же. Если, конечно, она вообще захочет с ним говорить. Решение прекратить искать себе постоянную спутницу жизни и сосредоточиться на одиночных связях может дорого ему стоить. Сначала пришлось пережить массу неприятностей из-за Карлотты, жены его коллеги Рикхарда, а теперь еще и это... Однако оказаться вот так внезапно лицом к лицу с Фрейей

– это просто праздник по сравнению с тем кошмаром, каким обернулась для него случайная интрижка с Карлоттой прошлой осенью. При воспоминании об этом Хюльдар почувствовал, как по его спине побежали мурашки.

– Конечно, мы не успели ни о чем спросить; это ведь ты должен был задавать вопросы! – Тон Фрейи напомнил тот, какой обычно использовали его бывшие партнерши для выражения недовольства.

Хюльдар, памятуя о своем печальном опыте, решил оставить ее реплику без ответа и вместо этого обратился к прокурору:

– Конрауд, вам ведь известны обстоятельства дела не хуже, чем мне. Если не лучше. Вы могли бы начать и без меня.

Хюльдар избегал смотреть на Фрейю – ее испепеляющий взгляд вводил его в ступор; в этом она превосходила всех его сестер, вместе взятых. Пересилив мучительное желание запихать в рот никотиновую жвачку, он продолжил:

– Вполне можно было бы задать несколько простых, очевидных вопросов. Здесь же все фиксируется? Я мог бы потом просмотреть запись.

– Или вы просто могли бы прийти вовремя! – Это подала голос молчавшая до сих пор врач Дома ребенка. Хюльдар помнил ее по выступлению в качестве эксперта при разборе дела о жестоком обращении. Тогда ее механическая, бесстрастная манера говорить прекрасно подошла для зала суда, но сейчас в ее голосе можно было различить запальчивые нотки.

– Да, конечно... – Хюльдар решил, что сейчас не имело смысла оправдываться и искать крайних – переваливать вину на других было не в его характере; по нему – так лучше принять удар на себя, чем прослыть подставлялой.

– Единственное, что она выдала, так это то, что убийца, вероятно, черный, – сообщил Конрауд. – Но я не стал бы стопроцентно полагаться на это, а расспросить ее подробнее не получилось.

– Черный?

Хюльдар старался не показать внезапно охватившей его радости из опасений быть неправильно понятым. В ней не было расистской подоплеки; просто если девочка окажется права, то найти убийцу будет несложно – темнокожих жителей Исландии можно пересчитать по пальцам. Все они, впрочем, были законопослушными пайнками – Хюльдар не мог припомнить ни одного дела, связанного с каким-либо насилием, в котором были бы замешаны темнокожие граждане. Но, как известно, у всего когда-то бывает начало...

– И у него большая голова, не забывайте это! – Эту реплику Фрейя демонстративно адресовала Конрауду, сделав вид, будто Хюльдара в комнате нет.

– Большая голова? – Следователь удивленно поднял брови. – Она так и сказала? Есть запись этого?

Информацией о том, что было записано, а что нет, располагал только директор Дома ребенка, и Фрейе ничего не оставалось, как ответить ему:

– Да, ты сможешь получить ее позже.

Эти слова она процедила сквозь зубы, словно выплюнула из себя, и присутствующие в недоумении уставились на нее. Последовавшую за этим неловкую паузу прервал Конрауд:

– Вряд ли будет какой-то толк от прослушивания записи. Эти сведения ни в коем случае нельзя считать достаточными, ни в коем случае! Нам нужно продумать следующий шаг: как лучше выйти из создавшейся ситуации... – Он помолчал, уставившись на лежавший перед ним телефон, будто там скрывался ответ, затем продолжил: – Мы всегда можем привести ее в отделение, неважно, хочет она того или нет, и закончить снятие показаний там. Это дело не терпит отлагательства!

– Да, не терпит, совершенно с вами согласен, – поддакнул ему Хюльдар.

Краем глаза он заметил, как Фрейя поспешно покинула комнату, и вскоре увидел ее по другую сторону смотрового окна – разговаривавшей с женщиной в желтом платье. Маленькой Маргрет с ними уже не было; по всей видимости, ее увел домой дед.

– Это было бы в крайней степени неразумно, – опять вмешалась в разговор врача, ее голос снова звучал механически. – Ребенок только что пережил серьезное потрясение, и если вы собираетесь обращаться с ней, не принимая во внимание всю сложность ее состояния, то рискуете получить ложные показания и тем самым компрометировать следствие. Не понимаю, сколько можно вам это талдычить! – Махнув рукой в сторону стоявших рядом Хюльдара и Конрауда и, видимо, подразумевая полицию и прокуратуру, она продолжила: – Дети в этом возрасте часто говорят то, что, по их мнению, хотят услышать от них взрослые. Если вы намерены окончательно запутать ее и внушить ей какую-нибудь несуществующую ерунду, пожалуйста! И удачи вам на суде, когда адвокат подсудимого – если вы, конечно, найдете виновного – разнесет ее показания в пух и прах. Насколько я понимаю, со свидетелями у вас не густо.

– Они могут появиться позже, – парировал Хюльдар, хотя сам был почти уверен в обратном.

Конечно, им еще предстояло допросить мужа, подруг, коллег и тому подобное, но вряд ли кто-то из них сможет пролить свет на события прошедшей ночи. Хотя их показания, конечно же, помогут получить представление о личности убитой и, возможно, смогут указать на кого-нибудь, способного на такое зверство...

Хюльдар вдруг осознал, что не сводит глаз с Фрейи. Ее красота невольно притягивала взгляд, но тем не менее внимание следователя сейчас было обращено не столько на ее внешность, сколько на мимику и жестикуляцию. За смотровым стеклом явно обсуждалось что-то важное. Женщина в желтом платье говорила, прижав руку к груди, и выглядела расстроенной. Хюльдар в замешательстве потупил взгляд, когда Фрейя, вдруг повернувшись к окну, посмотрела прямо ему в глаза, но, вспомнив про зеркало, тут же одернул себя и повернулся к врачу:

– Я согласен и с вами, нам по возможности лучше работать здесь. Как вы думаете, когда мы сможем попробовать еще раз?

Врач пожала плечами.

– Они знают это лучше меня. – Она ткнула рукой в сторону смотрового окна; Фрейя и женщина в желтом платье как раз выходили из комнаты. – Но я думаю, что это будет не сегодня.

– К сожалению, это невозможно, – Хюльдар покачал головой. – Мы должны поговорить с девочкой как можно скорее, а значит – сегодня! Сейчас очень важно получить ответы хотя бы на самые неотложные вопросы.

Услышав за своей спиной покашливание, он оглянулся и, столкнувшись взглядом с Фрейей, ступешался. Сейчас, увидев ее совсем рядом, Хюльдар осознал, что она все так же хороша, а исходивший от нее едва уловимый знакомый аромат всколыхнул в нем волну воспоминаний, мало уместных в данных обстоятельствах. Он попытался взять себя в руки, отбросив сбивающие его с рабочего настроения мысли.

– Перед уходом Маргрет доверила Силье кое-что, что может оказаться для следствия очень важным...

– Что? Что она сказала? – не дав договорить, перебил ее Хюльдар. – Может она подробнее описать цвет его кожи?

– Можно я закончу? – Щеки Фрейи запылали; ее мнение о нем снизилось еще больше. – Маргрет сказала, что этот черный человек собирается убить снова. Другую женщину.

Внезапно Хюльдара перестало волновать, что о нем думала Фрейя.

Глава 6

Голая Элиза Бьяртнадоттир лежала на стальном столе в отделении судебно-медицинской патологии Государственной больницы. Она выглядела так, будто просто терпеливо дожидалась окончания вскрытия. Тонкие руки спокойно лежат вдоль туловища, ноги выпрямлены в таком положении, которое вряд ли кто-то живой избрал бы для отдыха. Темные длинные волосы свободно спадают вниз с края стола, все еще влажные после того, как тело ополоснули по завершении наружного обследования и, скажем прямо, непростой операции по удалению скотча с головы. Сейчас бесчисленные полоски клейкой ленты свисали с раскорячившейся в одном из углов помещения бельевой сушилки. Надеялись, что на какой-то из них мог обнаружиться волос убийцы, а также отпечатки пальцев, если тот в какой-то момент дотронулся до скотча голой рукой.

Было ясно, что криминалисты в ближайшее время без работы сидеть не будут. Любая их находка была бы огромной удачей, потому как на теле убитой не нашлось никаких следов, кроме отпечатков полицейского, первым прибывшего на место происшествия. Убийца, по всей видимости, был в перчатках – в ином случае, учитывая состояние тела Элизы, не оставить отпечатков было невозможно.

Судмедэксперт насчитал на теле тринадцать кровоподтеков. По его словам, это были следы применения преступником грубой силы в ответ на сопротивление Элизы. Она, видимо, пыталась вырваться, да и трудно было представить что-то иное в ее положении. Синяки пестрели на белесой плоти, на руках виднелись следы захватов, а большая круглая гематома на груди, по мнению врача, указывала на то, что преступник придавливал ее коленом, навалившись всей своей тяжестью. Верхние и нижние передние зубы были раскрошены в результате попыток затолкать стальную трубку ей в глотку; врач предполагал найти осколки зубов в ее желудке. Сломанный нос лежал на боку, свидетельствуя о страшной кончине; о том же говорили и идущие по всему лицу разводы от скотча, которые не удалось смыть водой после осмотра.

В углу, рядом с бельевой сушилкой, стоял пылесос серебристого цвета, ожидая, когда его заберут для дальнейшего досконального обследования. Сейчас Хюльдару было трудно смотреть на это устройство, но еще труднее – на женщину. Впрочем, и не смотреть на нее тоже было непросто. Время от времени с блестящих мокрых волос сбегала вниз капля воды, и на выложенном кафелем полу уже образовалась небольшая лужица.

– Такое не каждый день увидишь... – Судмедэксперт покачал головой. – Я много чего перевидал, когда, много лет назад, учился в Шотландии. Но с тех пор как вернулся домой, на мой стол не попадало ничего подобного.

– Вам известны случаи убийства с помощью пылесоса?

Хюльдар надеялся, что голос не выдаст его волнения. В своей работе ему довелось видеть и трупы людей, и потерпевших с ужасающими травмами после несчастных случаев или драк. Он вдруг вспомнил ухо, найденное лежащим на мягкой моховой кочке неподалеку от перевернутой машины, и обгоревшее после пожара тело, которое невозможно было отодрать от сплавившегося с ним линолеума. Но те дела были совершенно другого толка, к ним он был причастен по-другому. Ему не приходилось так близко наблюдать ковыряние во всех отверстиях человеческого тела в поисках биоматериалов или других свидетельств, способных пролить свет на смертный час жертвы.

До сегодняшнего дня Хюльдару удавалось избегать присутствия на вскрытиях. К счастью, туда редко посылали рядовых следователей, да и участвовал он до этого момента в расследовании всего лишь нескольких убийств. Сейчас же, когда ему впервые доверено вести расследование, он не мог отправить вместо себя кого-то другого. Он должен собрать всю волю в кулак

и выстоять! Если народ в отделении прослышит, что ему это не под силу, накроется весь его авторитет и выйдет из этого не руководство, а одно название. Его подчиненные будут тратить больше времени на сплетни и перемывание его костей, чем на выполнение распоряжений, и он окажется в одном стойле с Рикхардом. Дело не в том, чтобы быть невосприимчивым к ужасам, а в том, чтобы сохранить лицо, притвориться хладнокровным, хоть внутри все и переворачивается от представшей глазам картины и бьющей по обонятельным рецепторам вони.

– Я спрашиваю не только о Шотландии. Вы когда-нибудь слышали или читали о подобных убийствах?

– Нет, не припомню... – Эксперт снова покачал головой. – Я читал о разных специфических орудиях убийства – например, штопорах, каблуках, – но пылесос...

– Да уж, это точно не первое, что придет в голову. – Хюльдар оторвал взгляд от изуродованного мраморно-белого лица Элизы. – Вот и спрашивается, к чему такие сложности? Воспользоваться ножом было бы гораздо проще.

В спальне Элизы в ногах кровати был найден большой кухонный нож. Там же лежали три рулона серебристого скотча; от двух остались только картонные втулки, а в третьем оставалось еще несколько метров. Он использовался для ослепления жертвы и герметичного закрытия всех возможных отверстий, чтобы пылесос смог выполнить свою работу, не втягивая через них воздух. Первый осмотр лезвия ножа показал, что тот использовался только для разрезания клейкой ленты; на нем не было обнаружено никакой крови, как, впрочем, и вообще на месте преступления.

– Согласен, это настолько странно, что на вашем месте я обратил бы на данный метод более пристальное внимание. Возможно, убийца надеется отхватить себе место в истории? Или у него просто отвращение к крови и убийство без повреждения внешних покровов кажется ему более эстетичным? А может, этот метод является для него символичным? Это тоже вполне может быть объяснением.

– А может, у него просто с головой не в порядке? – Эта мысль не давала Хюльдару покоя с момента, когда он впервые заглянул в спальню убитой.

– С головой не в порядке? – В голосе эксперта послышалось удивление. – Я полагаю, вы имеете в виду заболевание или психическое расстройство? Я бы посоветовал быть осторожней с подобными выводами, особенно касательно последнего. Люди с психическими расстройствами редко склонны к жестокому насилию; они скорее оказываются жертвами, чем преступниками, чаще наносят вред себе, а не другим. Я не думаю, что вы ищете психически больного человека. Вполне возможно, что он страдает серьезным расстройством личности, но нет никаких признаков, указывающих на галлюцинации, бредовые или параноидные состояния.

– Нет. Возможно, нет...

Хюльдару совсем не хотелось вот так сразу отказаться от своей теории сумасшествия преступника. Тем не менее он был готов отложить ее на время и сосредоточиться на возможных фобиях убийцы – боязни крови или отвращении к повреждениям внешних покровов посредством уколов, порезов и тому подобного. Впрочем, это вряд ли наведет их на след, так как ни в одной исландской базе данных – ни в полицейской LÖKE, ни в других, известных Хюльдару, – не содержалось информации об индивидуумах с патологической безразличностью к кровоточащим поверхностным ранам. Но эта версия может пригодиться, когда у них появится подозреваемый. Если он появится...

Пока судмедэксперт готовился к следующему этапу, Хюльдар разглядывал разложенные на лабораторном столике пакеты и баночки с вещдоками. Если на скотче не обнаружится никаких следов убийцы, возможно, на него сможет указать извлеченный из тела убитой биоматериал или какие-нибудь объекты. Несколько банок уже исчезли со столика: ассистент судмедэксперта, воспользовавшись паузой во вскрытии, поспешил перенаправить их в нужные руки для дальнейшего исследования.

Как правило, исландские убийцы признавали вину сразу после ареста, и рассмотрение дел обычно шло как по маслу. Вещдоки задействовались редко, но они всегда были кстати, когда требовалось вправить мозги особо упертым типам. У таких просветление наступало лишь в моменты, когда они начинали тонуть в предъявляемых им уликах, и вдруг оказывалось, что они даже рады облегчить душу, бросались убеждать себя и других, что все произошло случайно, что они вообще хорошие люди и им просто не повезло вляпаться в такое дело. Было даже забавно, как им хотелось подружиться со следователями, объяснить свои мотивы, будто это имело какое-то значение. Но полиция не выносит приговор – она просто докапывается, что и как произошло.

Хюльдар попытался представить себе убийцу Элизы. Как тот оправдает свои деяния? Но, возможно, он окажется одним из тех немногих, которые никогда не признаются в совершении преступлений...

Внезапно из уголка рта Элизы вытекла вязкая прозрачная капля, похожая на гигантскую заблудившуюся слезу. Хюльдар поспешно отвел взгляд и повернулся к врачу, уже вооружившемуся электрической пилой. Внутри у следователя опять все перевернулось.

Эксперт некоторое время задумчиво рассматривал пилу в своих руках, будто не уверенный в правильности выбора, затем, видимо согласившись с внутренними доводами, положил ее на поднос рядом с другими инструментами. Вид у них был устрашающий и совсем не вяжущийся с человеческим телом. Если б Хюльдару в нормальной больнице пришлось увидеть что-то подобное, ох и летел бы он оттуда!

– Кого вы подозреваете? Мужа?

– Пока еще рано делать выводы, он только что прилетел из-за границы. Допрос уже закончился, но у меня не было времени ознакомиться с протоколом – я был в Доме ребенка, а оттуда напрямик сюда. Из того, что мне известно по результатам допроса, вряд ли муж замешан в этом деле. Он, похоже, в состоянии шока. Мы уже получили подтверждение, что во время совершения убийства он находился за границей – был на конференции вместе с другим исландцем. То есть к самому акту убийства точно не причастен. Вполне возможно, что он просто хороший актер, а на грязную работу нанял кого-то другого. Единственное, что нам удалось выудить из дочки, так это то, что убийца был черный.

– Черный?! Это здорово упрощает вам жизнь! – порадовался за Хюльдара судмедэксперт и, посерьезнев, добавил: – А как вообще ее самочувствие?

– Паршивое. – У Хюльдара не нашлось лучшего слова, чтобы описать состояние Маргрет; почувствовав, что ему неловко говорить о девочке, стоя рядом с трупом ее матери, он снова перевел разговор на убийство. – Не знаю, говорит она это, потому что на убийце были черные брюки и черная обувь, или имеет в виду цвет кожи. Вероятнее всего, девочка видела его обувь и брюки из-под кровати, хотя она также говорит, что видела его голову. Видимо, до того, как спряталась под кроватью. Голову описывает как необычно большую.

– Большую?

– Да, так она сказала. Но что значит для ребенка «большая голова»?

Чтобы избавиться от необходимости следить за действиями эксперта, Хюльдар сосредоточенно разглядывал пол вокруг своих ботинок; ему вполне хватало уже увиденного. В глубине души он надеялся, что ассистент заплутает в коридорах больницы и вскрытие придется отложить. Потребность в никотине изводила его, но запихивать что-то себе в рот в этих условиях казалось ему невыносимым. Он даже не был уверен, что смог бы сейчас закурить, засунь ему кто-то в рот горящую сигарету. Чем меньше воздуха из этой комнаты попадет ему в легкие, тем лучше.

– Не знаю. Может, с ней мог бы поработать ваш художник?

– Да-да, конечно, но не прямо сейчас. Сейчас она не хочет ни с кем встречаться. Пока мы дали ей передышку; попытаемся снова сегодня – чуть позже или вечером. Нужно выяснить все

детали как можно скорее. Я не могу зарядить людей на розыск темнокожего преступника, если имелась в виду черная одежда. – Хюльдар вскинул голову; он вдруг вспомнил одну вещь, о которой намеревался спросить судмедэксперта. – Муж Элизы работает здесь, у вас в больнице.

– Ну? – удивился тот. – Как зовут?

– Сигвалди Фрейстейнссон, гинеколог.

– Не помню такого... Он одного возраста с женой?

– Да.

– Тогда вряд ли я его знаю. Другое поколение. Я из молодых врачей почти никого не знаю. – Эксперт поправил на руке латексную перчатку, щелкнув ею по запястью. – Но что бы там ни было с ее мужем, я предположил бы, что она и преступник были каким-то образом знакомы. Это большая редкость, когда незнакомец нападает на жертву лишь для того, чтобы замучить ее таким образом. Я классифицирую это как истязание, и ничто другое. Мучилась она недолго, но ужасно. Вы видели ее зубы? Он не деликатничал, заталкивая в нее пылесосную трубу. А воздух из легких высасывался с такой силой, что произошел их полный коллапс, и, я думаю, лопнули барабанные перепонки и произошли другие внутренние повреждения. Увидим лучше, когда откроем ее. Это не будет приятным зрелищем, поверьте мне на слово. Так что нет, вряд ли она ему совсем незнакома – наша нация слишком малочисленна для маньяков, так что его выявили бы и обезвредили прежде, чем дошло до такого.

– Ну, это не стопроцентно.

– Возможно, нет, но, к счастью, у нас здесь, на Западе, истязания случаются редко – по крайней мере, как самоцель. А в тех редких случаях, когда происходит, это обычно связано с сексуальными отклонениями. В других странах истязания могут практиковаться в определенных кварталах крупных городов; у нас, к счастью, пока такого нет. Да, бьют, пытаются, истязают, но, как правило, с целью запугать. В Исландии, насколько мне известно, еще не было смертельных случаев или серьезных увечий в результате таких пыток. В противном случае я был бы в курсе – ведь пострадавшие в конце концов попадают в больницу, а здесь все фиксируется.

– Скорее всего... Но что за человек способен на такое?

– А вот это вопрос. Даже при наличии желания замучить кого-то до смерти немногие способны на такое, и неважно, сколько у человека накопилось ненависти. У большинства людей существует внутренний тормоз, не позволяющий переступить определенную черту. Но тут мы опять возвращаемся к факту, что в данном случае не применялось режущее или колющее оружие, а акт убийства заключался в нажатии кнопки пылесоса. – Врач повернулся к Хюльдару: – Я, конечно, не знаю наверняка, но, поскольку нет никаких признаков изнасилования, думаю, что преступник ненавидел эту женщину всем своим существом. По крайней мере, пока ясно, что нападение не было вызвано сексуальными мотивами. Возможно, позже обнаружатся следы спермы, если преступник предпочел мастурбирование изнасилованию, но, когда я был на месте преступления, ничего такого не было выявлено и, думаю, вряд ли мы что-то упустили.

– Нет, при повторном осмотре тоже ничего не найдено.

– Эта Элиза как-то связана с криминалом? Обнаружу я в ее крови наркотики?

– Думаю, что нет. Если судить по тому, что мы успели по ней накопать, это самая обыкновенная женщина. Работала в налоговой инспекции, занималась семьей, досуг типичный. Ничего подозрительного или вызывающего вопросы ни в прошлом, ни в настоящем мы не нашли. Все выглядит гладко, и я буду очень удивлен, если обнаружится обратное, а также если окажется, что ее пытали для получения какой-то информации. Это должна быть какая-то чудовищная тайна, если она так упорно отказывалась ее выдать. У любого развязался бы язык перед угрозой такой смерти. Боль, видимо, была адская. – Хюльдар невольно скользнул взглядом по истерзанному лицу; меж посиневших губ поблескивали поломанные зубы. Подавив подкативший к горлу приступ тошноты, он снова уставился в пол. – Наверное, бесполезно пытаться представить себе его побуждения, ибо ничто не может оправдать такого.

– А вы уверены, что это мужчина? Раз мы не нашли сперму, вполне возможно, что убийство могла совершить женщина.

Хюльдар задумался. Он еще ни в чем не был совершенно уверен. К счастью, расследование пока находится на начальной стадии, и есть еще время для предположений и гипотез.

– Я не исключаю такую возможность, но больше склоняюсь к тому, что преступник – мужчина; это больше соответствует описанию дочки. Кроме того, женщине было бы труднее удерживать Элизу при обматывании головы и рук скотчем – та, должно быть, сопротивлялась изо всех сил.

– Да, это так, о чем мы имеем свидетельства... – Оба уставились на рассыпанные по телу Элизы синяки. – Конечно, встречаются и исключительно сильные женщины... Хотя сама Элиза тоже была в хорошей форме, так что если речь идет о женщине, то тут понадобилась бы исключительная сила. Но нельзя забывать, что в состоянии аффекта человек становится намного сильнее.

– А если это было состояние аффекта, как долго, по-вашему, оно могло длиться?

Хюльдару приходилось иметь дело с индивидами в состоянии неистовства – как вследствие употребления каких-нибудь веществ, так и без них. Такие приступы обычно длились недолго, но, как и везде, здесь тоже могли быть исключения.

– Трудно сказать. Я думаю, непосредственно процесс убийства длился минут двадцать-тридцать. Сомневаюсь, что вскрытие или дальнейшее исследование может установить более точное время. Вероятно, мы сможем уточнить момент наступления смерти, но что-то другое – маловероятно.

Хюльдар кивнул; он и сам предполагал что-то подобное. Преступник наверняка спешил закончить свое дело, и вряд ли ему хотелось оставаться в доме дольше, чем это было необходимо.

– Как вы думаете, что же все-таки могло толкнуть его на такое? – Вопрос был задан скорее с целью отвлечь эксперта от его приготовлений, так как в дверях наконец-то нарисовался ассистент, что означало начало вскрытия, но Хюльдар чувствовал, что еще не готов к нему – ни морально, ни физически.

– Не знаю. К счастью, ответ на этот вопрос – не моя головная боль, и сомневаюсь, что вскрытие что-то прояснит. Она могла, например, выявить чьи-то нечистые махинации в связи со своей работой в налоговой. Во всяком случае, я не стал бы игнорировать такую возможность. Люди на многое способны из-за денег. Особенно если им светит полный финансовый крах. – Судмедэксперт потер подбородок, оставив на нем белый тальковый след. – Да! Я забыл спросить: что там было в конверте? Какая-то подсказка?

При первичном осмотре дома на холодильнике в кухне был найден конверт. В отличие от других записок, открыток и прочего, державшегося на дверце с помощью разноцветных магнитиков, он был приклеен тем же скотчем, которым были обмотаны голова и руки Элизы. Никаких отпечатков пальцев на конверте не обнаружено; внутри лежал небольшой клочок бумаги с наклеенными на нем вырезанными из газет цифрами и буквами – наподобие тех, что можно увидеть в фильмах о похищениях людей.

– Мы пока не расшифровали послание. Если это, конечно, послание. Там в самом начале стоит фраза: «*И что скажешь теперь*», а дальше – длинный ряд цифр, смысл в которых найти невозможно. Мы сейчас пытаемся разгадать их, но пока продвижение медленное... – Это было более чем оптимистичное заявление – на самом деле продвижения не было никакого. – Я снял копию, на случай если вам нужно присовокупить записку к отчету.

Сдвинув очки на самый кончик носа, эксперт внимательно прочитал стоявшие на листке цифры:

68 16, 33–16, 99–16, 3–53, 57 79–92, 110–16 32, 9, 89–6 63–92, 7 90, 53, 80–1, 106–16, J, 33–16?

– Что это может означать?

– В данный момент мы не знаем. У мужа эта белиберда тоже никаких ассоциаций не вызвала. Спецы говорят, что это, скорее всего, шифровка, разгадать которую, возможно, и не удастся. Они склоняются к тому, что цифры соответствуют определенным буквам, а точки означают пробел между словами. А вот черточки между цифрами – это загадка. К тому же никто не знает, на каком это языке, исландском или бог знает еще каком. Работа над расшифровкой будет продолжаться, но, может, это просто бред сумасшедшего, имеющий смысл только в его больном воображении?

– Возможно. А возможно – и нет, – не согласился эксперт. – Не забывайте о том, *что* я говорил ранее о психозах. Изготовить такое послание стоило немало труда: вырезать, составить, приклеить... Лично я, к примеру, не стал бы этим заниматься без какой-либо цели. Почему-то это было ему важно. К тому же первая строчка послания звучит довольно интимно, не находите? – Он положил листочек на столик, прикрыв его сверху полиэтиленовой пленкой, чтобы не забрызгать кровью, когда дело дойдет до пилы и кусачек.

– Да, возможно...

Хюльдар старался не думать о предстоявшем, переключив все мысли на предмет разговора. Бумажка с цифрами так крепко засела у него в голове, что уже мозги заплетались, теряя всякую способность к анализу. К чему это шифрование, для кого предназначалось послание и что на самом деле оно означало? Вряд ли это послание составлялось для Элизы – он убил ее раньше, чем она смогла увидеть конверт. Может, оно было адресовано полиции? Или супругу Элизы, хотя тот и не понял, о чем там говорилось? Возможно, дальнейшее расследование откроет что-нибудь в его прошлом, хотя сейчас он утверждает, что у него вообще нет врагов. Где-то в глубине души Хюльдар теплил надежду откопать в прошлом этого Сигвалди что-нибудь ужасное, чтобы дело наконец перестало буксовать на месте. Если вскрытие не покажет ничего нового, непонятно, каким должен быть их следующий шаг.

Хюльдар перевел взгляд на Элизу и проглотил подкативший к горлу ком. Скоро он увидит, как она выглядит изнутри... Следователь почувствовал легкое головокружение и побледнел. Судмедэксперт, взяв из рук ассистента баночку с кремом, протянул ее Хюльдару:

– Помажьте под носом. Я вижу, вам не по себе; но поверьте, дальше будет только хуже, и запах станет интенсивнее. Крем поможет перебить его – хоть и не совсем, но все же... – Он улыбнулся и натянул на лицо висевшую на шее маску. – Если вас начнет тошнить, постарайтесь, чтобы рвота не попала на тело убитой, такое здесь уже случалось. Да, и не забудьте снять маску – у меня нет желания снова стать свидетелем подобного.

Хюльдар кивнул и взял баночку. От желеобразного крема шел крепкий мятно-ментоловый запах. Этим кремом он пользовался не впервые – проклятая вонь сопровождала его профессии. Щедро наляпав под нос спасительного снадобья, Хюльдар тоже натянул на нос маску; она ослабила запах. Но мандраж так и остался – было невыносимо следить за расширением всех отверстий лежавшего на столе тела. Другие манипуляции следователь переносил лучше, хотя каждое прикосновение врача к убитой отдавалось в нем всплеском тошноты. Труднее всего было следить за исследованием повреждений на лице. Вопреки здравому смыслу, Хюльдару казалось, что рот Элизы вот-вот скривится в гримасе боли. Что уж тогда говорить о пиле и прочем...

– Вы готовы? – Во взгляде судмедэксперта мелькнула тень сомнения – по-видимому, чуть заметный кивок Хюльдара показался ему малоубедительным. – Ваше присутствие здесь не обязательно; не вижу в этом никакого смысла, кроме разве того, что нам, – он ткнул рукой в сторону улыбающегося, натягивающего на лицо маску ассистента, – будет веселей в вашей компании. Да и, возможно, после такой встряски вам захочется поскорее поймать виновника.

– Возможно...

Что-то было в этих словах эксперта – Хюльдар уже сейчас испытывал жгучее желание как можно скорее упрятать этого изувера за решетку. Когда он только пришел сюда, желание не было таким всепоглощающим. Было бы несправедливо оставить без наказания того, кто совершил такое.

Облаченная в перчатку рука эксперта парила над подносом с поблескивающими инструментами. Хюльдар следил за ней, пытаясь угадать, на какой из них падет выбор. Но прежде чем он пришел к какому-то заключению, эксперт, неожиданно повернувшись к нему, после небольшой изучающей паузы спросил:

– Вы не находите немного странным, что расследование такого дела поручено именно вам?

Вопрос Хюльдару не понравился, он прозвучал как недоверие к его компетенции и был тем обиднее, что следователь и сам об этом думал.

– Что вы имеете в виду?

– Нет-нет, ничего просто это одно из самых жестоких убийств, когда-либо здесь случавшихся. Я, например, не поручил бы малоопытной молодежи руководить вскрытием. Может так статься, что выбор пал на вашу кандидатуру по каким-то другим соображениям, а не из-за профессиональных качеств? Насколько мне известно, у вас в отделении есть следователи и поопытней?

– Это вопрос не ко мне, у меня нет на него ответа.

Конечно, у него был на это ответ. Причем расширенный и аргументированный. Причина, по всей видимости, крылась в том, что репутация всех опытных сотрудников в данный момент оказалась, мягко говоря, подмоченной. Проверка специального прокурора обнаружила серьезные нарушения в работе полиции, и в этой связи было начато расследование методов ее работы. В процессе выяснилось, что прослушки и обыски производились без ордеров, те стряпались задним числом, если в них вдруг возникала необходимость, материалы следствий бесследно исчезали, на свидетелей оказывалось давление, на допросах применялось запугивание и даже побои. Короче, список был обширный.

СМИ обсасывали этот скандал неделями, расколупывая всё новые и новые подробности, и почти все высокие чины следственной полиции были втянуты в это болото. Однако никто не был уволен или даже понижен в чине, и, насколько Хюльдару было известно, ничего подобного не ожидалось. Ситуация была абсурдной – большинство работников полиции выполняли свой долг с честью, и пока те немногие, с рыльцем в пуху, не были наказаны, тень недоверия ложилась на всех остальных. Но, к сожалению, никаких изменений, видимо, не предвиделось – виновники надеялись просто отсидеться. За годы работы некоторые из них влипали в делишки и похуже без привлечения к какой-либо ответственности, так что это была уже своего рода традиция. Однако со времени скандала прошло еще недостаточно времени, чтобы кто-то из этих типов захотел сейчас высовываться. Руководитель расследования – лицо публичное, а им сейчас меньше всего хотелось напоминать публике о том, что они по-прежнему занимают все те же посты. Поэтому выбор и пал на Хюльдара: его репутация была безупречна, во всяком случае, служебная. В личной-то жизни он ангелочком не был...

– Не принимайте это на свой счет, мне просто хотелось вас предостеречь. Если вам поручено расследование по той причине, которую я предполагаю – и, думаю, вы тоже, – будьте уверены, что ваши предшественники совсем не заинтересованы в успешном завершении дела. Будьте осторожны, я говорю это от чистого сердца.

Хюльдар решил промолчать. От ментоловой вонючки у него перехватывало дыхание, и он слегка оттянул край маски, впустив под нее воздух. Глаза судмедэксперта сощурились в улыбке, и он хлопнул ладонями, возвещая, что пришло время начинать. Затем, выбрав скальпель, занес его над Элизой. Хюльдар пристроился сбоку и, когда острие скальпеля заскользило по белесому телу, закрыл глаза.

Глава 7

Голос дикторши звучал серьезно и даже несколько трагично. Аустрос Эйнарседоттир обычно нравился этот голос, он очень подходил для радионовостей. Когда дикторша сообщала радостную новость – о каком-нибудь городском празднике или открытии новой дороги, – ее голос звенел воодушевлением. Иногда она слегка перегибала палку, и тогда создавалось впечатление, что событие, о котором сообщала дикторша, касалось ее лично, будто она сама принимала участие в организации праздника или была главным пользователем новопроложенного куска трассы в каком-нибудь захолустье. Но когда сообщалось о чем-то серьезном, дикторша непременно прикручивала энтузиазм до минимума, читала размеренно, будто хотела вчеканить в сознание слушателя каждое слово. Именно так она говорила сейчас.

Впрочем, возможно, этим неспешным чтением маскировалась топорность самой новости. В ней просто коротко сообщалось, что в Рейкьявике, в ночь на пятницу, умерла женщина, что смерть, по всей видимости, была насильственной и что полиция не дает никаких комментариев по поводу происшествия. И всё. Вот зачем, спрашивается, сообщать такую новость? Будто людям невтерпеж услышать о возможном убийстве... Неужели нельзя было подождать до выяснения всех фактов? По крайней мере, Аустрос от этой новости легче не стало.

Она встала, чтобы выключить радио. Теперь передавали спортивную сводку; слова буравили барабанные перепонки, как визг мела по школьной доске. К слову, за все годы преподавания Аустрос так и не смогла привыкнуть к этому – и вздохнула с облегчением, когда пришло время маркерных досок. Она никогда не раздражалась, если ученики забывали закрыть маркер и тот высыхал, – все что угодно, только не режущий слух визг, сухая кожа рук и меловая пыль.

Выключив радио, Аустрос сразу почувствовала себя лучше. Это была единственная положительная перемена в ее жизни с тех пор, как почти два года назад умер ее муж. При жизни он всегда, как приклеенный, сидел у радиоприемника, внимая перечислению всех футбольных голов мира, и обязательно на зашкаливающей громкости. Его не интересовал Интернет, а также что эти голы можно было посмотреть-послушать в тишине и спокойствии, – нет, ему нужно было обязательно воспринимать все на слух.

Но теперь Аустрос скучала по общению с ним – ей не хватало его заботы и тепла. Сейчас она с радостью согласилась бы на пересадку в собственное ухо постоянно транслируемого спортивного канала, если б только это помогло вернуть мужа.

На кухне тренькнул телефон, лежавший на столе рядом с остатками нехитрого обеда. Аустрос готовила на скорую руку, без каких-либо предвкушений. С тех пор как она перестала работать, пропала разница между буднями и выходными. Раньше Аустрос накрывала на стол не спеша, вдумчиво сервируя блюда, предусмотрительно оставляя по правую руку место для газет, которые любила просматривать во время еды, а после обеда усаживалась за чашку кофе.

Теперь кофе стал одним из пунктов бесконечного списка запрещенных врачом продуктов. В этот же список загремели масло, соль, жир и масса всего того, что делает еду съедобной, поэтому и невозможно было ею наслаждаться – творог с огурцом и хлебом из спельты трудно назвать яством.

Экран телефона светился синевой, и она с удивлением взяла его в руки. В последнее время ей мало кто звонил по воскресеньям – впрочем, как и в другие дни. Еще реже случалось получать эсмэски. Ни ее сестра, ни подруги не пользовались таким видом связи. Все они были дамы дальнзоркие и с трудом попадали пальцами по нужным буквам. Аустрос была единственной, кому удалось отключить автокоррекцию, постоянно предлагающую какую-то галиматью.

Она открыла сообщение. Это, должно быть, какая-то ошибка. Может, и здесь каким-то неведомым образом постарался автокорректор и изменил слова на цифры? На экране стояло:

2, 116, 53, 22, 16 22, 19, 49 90, 49. Цифры не были похожи ни на что, ей известное, – ни на номер телефона, ни на номер кредитки, ни на номер лотереи. Отправитель неизвестен. Может, это какой-то вирус? В смартфонах, наверное, такое случается...

Чтобы без толку не задаваться бесполезными вопросами, Аустрос решила позвонить провайдеру и, после бесконечного ожидания, наконец попала на слишком уж говорливого, по ее мнению, юнца. Как можно точнее объяснив суть дела, она добросовестно ответила на все его вопросы, но юнец, видимо, решил, что она давно выжила из ума, и ей пришлось без конца повторять одно и то же и отвечать на вопросы, не имеющие никакого отношения к делу. В самый разгар их разговора телефон опять дзинькнул, что еще больше вывело ее из себя, особенно после того, как парнишка принялся убеждать ее, что ничего не слышал.

Наконец ей стало ясно, что добиться чего-то внятного не удастся. Аустрос расспросалась с юнцом, так и не поняв, подхватил ее телефон вирус или нет. Единственное, что она поняла, так это то, что можно выслать им официальный запрос – в этом случае провайдер попытается установить, откуда пришло сообщение. Тон парнишки, однако, убедил ее в том, что сделать это не так уж и просто. Но на самом-то деле ей было все равно, кто прислал это сообщение; она просто хотела знать, нужно ей спасать телефон или нет.

Теперь ее ожидала еще одна эсэмэска. Она была похожа на первую – правда, теперь цифр было меньше, и последовательность их была другая: 90, 92 68, 43–6 16, 92 11, 99, 73. Это не обещало ничего хорошего – видимо, все же вирус, что бы там ни говорил молодой болтун в службе поддержки. Наверное, ей следовало снова позвонить туда и сообщить о второй эсэмэске, но после некоторого раздумья Аустрос решила этого не делать.

А потом снова раздался сигнал телефона. Пришло еще одно сообщение – как и первые два, от неизвестного отправителя: 75, 53, 19, 11, 66–39, 92 7, 92.

Аустрос поспешила закрыть послание в надежде, что так вирус не распространится дальше, а чтобы проверить, работает ли телефон, позвонила подруге. Телефон работал, но Аустрос тут же пожалела о звонке, вынужденная выслушивать бесконечные восторги о предстоящем круизе подруги и ее мужа. Она давила в себе зависть, несмотря на то, что до круиза было еще восемь месяцев. Наконец, в самый разгар подружных объяснений о том, сколько пришлось доплачивать, чтобы получить каюту с балконом, Аустрос удалось оборвать разговор, соврав, что к ней кто-то пришел. Она отметила про себя, что звонить этой подруге в ближайшее время не стоит – во всяком случае, до тех пор, пока из нее немного не выветрится эта круизная эйфория.

Экран телефона погас. Подумав, Аустрос решила на всякий случай выключить и звук. Телефон выглядел совершенно нормальным, но в понедельник она все же сходит в пункт обслуживания и попросит проверить его на вирусы. Это будет несложно, делами она не завалена. И Аустрос снова, в который уже раз, пожалела, что перестала работать.

Тогда она решила использовать свое право работника госсектора на ранний выход на пенсию⁹, но спустя месяц после этого у мужа случился инфаркт, и он умер. Немного придя в себя после случившегося, Аустрос первым делом сходила в гимназию, в которой проработала большую часть своей жизни, в надежде устроиться назад, – но там на ее место преподавателя биологии уже приняли какого-то молодого учителя и в ее услугах не нуждались. Воспоминания об этом моменте до сих пор окрашивали ее щеки краской стыда. Тогда Аустрос лишь промямлила, что, конечно, ей было известно о новом учителе; она просто думала, что могла бы подменить его в случае болезни или работать экзаменатором во время сессий. После этого она стала обходить гимназию десятой дорогой, стараясь избегать встреч с завом по кадрам и бывшими коллегами, которые, Аустрос была уверена, все уже были наслышаны о ее неудачном визите.

⁹ Право выхода на пенсию в возрастной период с 60 до 64 лет (обычный пенсионный возраст в Исландии – 67 лет).

Радио было выключено, телефон замолчал, и в квартире установилась тягостная тишина. Можно было даже расслышать звуки, доносящиеся из квартиры ниже этажом. Аустрос жила в двухквартирном доме, и, после того как стала вдовой, ее отношения с соседями совсем разладились. Началось с того, что они никак не могли договориться, в какой цвет должен быть покрашен их дом. О предстоящей покраске разговор шел еще при жизни мужа, и они тогда вместе решили, какой цвет им больше нравился. После его смерти Аустрос настаивала именно на этом цвете и ни за что не хотела уступать соседям, хотя на самом-то деле ей было все равно. Однако в своем горе ей казалось, что борьба за мнение мужа была как бы данью его памяти, что не было ничего справедливее, чем дать дому засиять выбранным мужем цветом. Со временем она поняла, как это было глупо, но отношения с соседями испортились окончательно, и ничего исправить уже невозможно.

Споры о цвете краски мало-помалу затихли, но вскоре разгорелся новый сыр-бор. Супругам с нижнего этажа вдруг начало казаться, что Аустрос уделяет недостаточно внимания уходу за общим участком вокруг дома. Что бы она ни делала, угодить им было невозможно. Она попыталась поговорить с ними, чтобы прийти к какому-нибудь компромиссу, поделить обязанности – например, она могла бы ухаживать за участком и поддерживать чистоту в мусорной подсобке, а они – следить за внешним состоянием дома, подкрашивая его по мере надобности, менять общие лампочки и чистить снег. Стоимость необходимых ремонтов предложила делить поровну. Но мадам с первого этажа заявила, что такое разделение не лезет ни в какие ворота, что лето, когда, в общем-то, и нужен уход за участком, длится в Исландии всего три месяца, мусорная подсобка – вообще не проблема, а вот чистка снега, лампочки и подкраска-подмазка – это куда больше работы. Аустрос попыталась напомнить ей, что общая лампочка на весь дом всего одна и что, если это им так трудно, она вполне могла бы взять на себя обязанность менять ее в случае необходимости, но вот чистить снег была не в состоянии. Однако соседи уперлись, и тогда Аустрос предложила нанимать на расчистку снега кого-нибудь со стороны.

Это предложение окончательно все разрушило. Самое обидное было в том, что, пока был жив муж, они с Аустрос занимались и подкраской, и участком, и снегом, причем гораздо больше, чем соседи. Сейчас все это было забыто – вот какими паршивыми могут оказаться люди! Более того, когда препирательства дошли до высшей точки, этот паразит с нижнего этажа заявил, что он и его жена всегда работали на общей территории больше, чем Аустрос с мужем. Причем его доводы звучали так убедительно, что сама Аустрос чуть было в это не поверила. Правда, лишь на секунду. Конечно же, все это была ерунда – Аустрос и ее муж всегда работали на участке больше, чем соседи.

При воспоминании об этом ей от злости захотелось затопать ногами, но это наверняка не пришлось бы по вкусу соседям. Впрочем, их возможная реакция ее не остановила бы, но тут снова засветился экран лежавшего на столе телефона. Не удержавшись от соблазна, она решила проверить, что там опять пришло. Это было еще одно сообщение; отправитель, как и прежде, неизвестен. Аустрос предположила, что это, должно быть, тот же самый человек. Открыв эсэмэску и увидев вместо цифр буквы, она вздохнула с облегчением. Сообщение гласило: «Я скоро приду – ждешь с нетерпением?»

Подписи не было. Кто этот «я»? К ней никто не должен был прийти; она не помнила, чтобы кого-то приглашала в гости или кто-то собирался заглянуть к ней. Аустрос подошла к зеркалу – если кто-то должен прийти, ей не мешало бы немного привести себя в порядок. Хуже всего, что в послании не говорилось о времени, когда этот загадочный гость собирался прийти. «Скоро» могло означать что угодно и зависело от того, где находится автор послания: в другом городе? за границей? на соседней улице?

После некоторого раздумья на тему «успею – не успею» Аустрос решила все же принять душ. Конечно, ей не хотелось, чтобы ее застали в халате, ненакрашенной и с полотенцем на голове, но она решила рискнуть и побила все рекорды скорости. Однако когда уже вышла из

душа и стояла напротив подернутого влажной дымкой зеркала, ей стало невыносимо грустно от этой ее одинокой доли. Она вела себя так, будто целыми днями, а то и неделями, не видела живого человека. Этот странный гость, забывший назвать свое имя, может вполне подождать у дверей, пока она не будет готова.

Из зеркала на нее смотрело незнакомое ей лицо, за последние несколько лет быстро и уверенно взявшее власть в свои руки. Ей казалось, это лицо женщины гораздо старше ее – усыпанное морщинами, глубокими бороздами на лбу и внушительными мешками под глазами. «Кто ты, черт побери, такая? Кто приглашал тебя сюда?»

Взяв в руки консилер, Аустрос принялась стирать с лица отметки возраста. Она делала это медленно и обстоятельно, странным образом почувствовав, что спешить совсем не нужно, что у нее достаточно времени. Еще хуже было охватившее ее еще раньше предчувствие, что этот визит вряд ли принесет ей радость. Откуда вдруг пришла эта мысль?

На щипцах для завивки загорелся зеленый огонек, и Аустрос, не без некоторого удовлетворения, осмотрела свое лицо в зеркале. Отложив в сторону макияж, взялась за укладку волос – неспешно, прядь за прядью. Горячий аромат влажных волос заполнил ванную и немного ее успокоил. Неважно, каким окажется этот гость и его визит – интересным или скучным, – по крайней мере, она будет хорошо выглядеть.

Глава 8

Снаружи дом был похож на множество других таких же построек шестидесятых-семидесятых годов. Безыскусный бетонный корпус, одноэтажный, около ста восьмидесяти метров под простой покатою крышей. Внутренняя планировка была, по-видимому, ориентирована на ушедшие времена: супружеская спальня, столовая, маленькая кухня и несколько крошечных детских комнат с встроенными шкафами, отражающими однообразие одежды тех времен. В детстве Фрейя мечтала обзавестись именно таким домом – в нем должны были жить она, ее муж и двое их прекрасных детишек, девочка и мальчик. Скорее всего, кот и аквариум в доме мечты тоже присутствовали... В общем, полнейшая противоположность ее теперешней жизни.

По обе стороны калитки стояли горшки с засохшими с прошлого лета цветами; в остальном же ничто не наводило на мысли о смерти. Дом как ни в чем не бывало стоял ровно посередине двора, и если б Фрейя не была в курсе событий, подумала бы, что жизнь здесь идет своим чередом – нигде на участке не желтело ни одной полицейской оградительной ленты; что уж говорить о заклеенных крест-накрест дверях, как она себе представляла...

Фрейя вдруг задалась вопросом, изменил бы что-нибудь архитектор, проектировавший этот типичный семейный дом, знай он, что случится с его жильцами сорок лет спустя? Может, он увеличил бы окна, чтобы Элизе было легче спастись, предусмотрел бы решетки и надежные садовые ограждения, не стал бы подчеркивать беззаботную открытость дома, дабы не усыпить бдительность его хозяев? Фрейя разглядывала дом через заляпанное окно машины, не находя ответа. Она припарковалась на улице, боясь повредить улики на домашней парковке. Но опасения ее, по всей видимости, были безосновательными, так как парковка не была огорожена, и на ней сейчас стояла полицейская машина. Однако лучше сделать несколько лишних шагов, чем быть обруганной полицейским начальством.

Фрейя заглушила мотор, но все еще сидела, держась за ключ и не решаясь выйти на холод. Внутри было не намного теплее – система обогрева в старом драндулете, который она одолжила на время у брата, испустила дух на полпути сюда, и теперь стёкла украшал слой инея. В машине воняло старыми сигаретными бычками, которые давно уже надо было выбросить из набитой пепельницы, и чем холоднее становилось в салоне, тем сильнее была вонь. Она смешивалась с приторным ароматом картонной елки, свисавшей с перекошенного зеркала заднего вида. Во рту у Фрейи все еще стоял привкус утренней яичницы, плохо уживавшийся с насыщенным пихтовым амбре. В надежде подавить приступ тошноты, она сделала большой глоток колы. Полузамерзший напиток гулко бултыхнулся о стенки банки и прохладно заструился к желудку. Ей стало немного лучше, а выйдя из машины и вдохнув свежего зимнего воздуха, она почувствовала, что дурнота исчезла совсем.

На улице было морозно, а одежда Фрейи совсем не подходила для посещения места убийства, да и вообще для улицы. Телефонный звонок застал ее в пути на встречу с подругами. Она собиралась пообедать вместе с ними в центре города и была одета соответственно мероприятию, в меру изящно – не то чтобы «очень», но и не так, чтобы «совсем не». Впрочем, можно было сказать, что небольшой перевес в сторону «очень» все же присутствовал.

Не снимая варежек, Фрейя долго возилась с молнией, пытаясь прикрыть воротником шею, и наконец ей это удалось. Поправив одежду, она получше оглядела дом. Ей показалось, будто над этим местом витает что-то неуловимо-гнетущее: сероватые зимние тени здесь выглядели глубже, а сквозящий по улице ветер ощущался резче, чем у соседних домов. Хотя, скорее всего, это было просто ее разыгравшееся воображение. Она постаралась стряхнуть с себя неприятное ощущение, сунула ключи в карман куртки и медленно и сосредоточенно выдохнула. Из рта вырвалось растрепанное облачко пара, под ногами заскрипел плотно слежавшийся на тротуаре снег. Это был единственный звук, нарушавший наполнявшую воздух тишину. Такая

безмолвная тишина возможна только зимой и совсем невыносима летом: с голых ветвей не доносилось птичьего пения и все вокруг казалось обездвиженным и застывшим. У Фрейи было такое чувство, будто она одна на свете, пока не хлопнула дверь близлежащего дома и не послышались быстрые шаги. Может, кто-то опаздывает на автобус? Остановившись на середине дорожки к дому, Фрейя увидела спешащую к ней женщину, одетую явно не по погоде.

– Здравствуйте! Извините...

У женщины, видимо, не было времени толком одеться, прежде чем выскочить на улицу, и теперь она, дрожа от холода, стояла в тонком дождевике, никак не вяжущемся с временем года. Ее волосы были поспешно забраны в «хвост», и лишь один глаз подведен. Из-за этого она выглядела слегка подвыпившей.

– Извините... меня зовут Ведис, я живу вон в том доме. Это я нашла мальчиков. – Разомкнув прижатые от холода к груди руки, женщина указала на стоящий по соседству дом. Он был совершенно таким же, как и дом Элизы и Сигвалди, и Фрейя заметила в окне фигуру взрослого человека. Она решила, что это, по-видимому, муж женщины. Заметив, что Фрейя смотрит на него, тот тут же отошел от окна, а женщина продолжила: – Мы... я... я имею в виду, мы, жители этой улицы, мы все в шоке...

Фрейя не знала, что ей на это ответить, и женщина еще больше смутилась. Фрейя ей немного сочувствовала, – женщина, несомненно, выскочила на улицу в надежде получить какие-то новости о происшедшем, но в конечном итоге ее решение, как, впрочем, и большинство любых скоропалительных решений, оказалось не таким уж разумным.

– Я просто надеялась узнать, что там с детьми и с Сигвалди... Все жители в курсе, что вы были здесь позавчера и вчера, но никто нам ничего не говорит. Меня опрашивали, просто засыпали вопросами; я на все ответила, и как можно подробнее. Но ни на один из моих вопросов так никто и не ответил. Я услышала об убийстве по радио, и у меня прямо сердце схватило. Это одно и то же дело?

– К сожалению, ничем не могу вам помочь – я не из полиции.

– Не из полиции? – удивилась женщина. – А откуда?

– Я работаю в государственном учреждении. – Фрейя постаралась произнести это как можно спокойнее. Она не хотела называть Комитет защиты детей или Дом ребенка, чтобы не давать пищу для сплетен. Это могло быть понято превратно: когда люди слышали о Комитете, они, как правило, представляли себе нерадивых родителей, а Дом ребенка связывали с сексуальными преступлениями против несовершеннолетних. Скоро новости об убийстве будут уточнены, и тогда соседка получит информацию, которой так жаждала сейчас. – Я, к сожалению, не могу комментировать происшедшее здесь.

Соседка состроила мину, будто Фрейя сознательно старалась исключить ее из круга посвященных.

– Мы знаем: что-то произошло! – Фрейя ожидала, что за этим последует нравоучительное «на-на-на-бу-бу-бу», но вместо этого соседка добавила: – Мы видели, когда приехала «Скорая». И когда уехала.

Она открыла рот, будто собираясь что-то сказать, но снова закрыла его. Трудно не понять, когда в машину грузят мертвеца; никто не закрывает лицо человека, если тот просто болен.

– Это просто невыносимо – ничего не знать! Они нам не просто соседи, мы с Элизой были хорошими подругами! – Ведис находилась примерно в том же возрасте, что и Элиза – где-то в районе тридцати, – и они вполне могли дружить. Фрейя обратила внимание на то, что эта женщина говорила об Элизе в прошедшем времени. Она стояла, дрожа от холода; а может, это на нее так действовал предмет разговора? – Так кто это был на носилках?

– К сожалению, я ничего не могу сказать по этому поводу. Но, думаю, все в скором времени прояснится. – Фрейя старалась не выказать ни единой эмоции, чтобы соседка не могла истолковать ее по-своему.

Та ответила не сразу. Будто сбившись с фокуса, какое-то время смотрела не на Фрейю, а на что-то позади нее. Потом снова заговорила:

– Мне вообще хочется пожаловаться на то, как с нами обращаются, в особенности со мной. – Теперь она говорила гораздо быстрее, будто предвидя окончание разговора, что было признаком развитой интуиции.

– Я не могу этому препятствовать.

Мелькнувшее на лице женщины негодование сменилось смирением.

– Конечно, я не стану этого делать, но мне кажется, это просто элементарное уважение – ввести меня в курс. Я же не кто-то посторонний, никак не связанный с этим. Я живу по соседству, и это именно я нашла мальчиков. Я, можно сказать, причастна к делу. По крайней мере, как свидетель – меня опрашивали. Разве не положено объяснять свидетелям суть происшествия, к которому они причастны?

– Нет, это так не работает. – Фрейе очень хотелось, чтобы женщина ушла прежде, чем сама она примерзнет к дорожке. – С вами наверняка поговорят еще раз, и тогда, возможно, вы узнаете об этом деле больше, чем сейчас. Но я не связана с ним таким образом, чтобы могла сообщить вам какую-либо информацию. К сожалению.

Фрейя повернулась к дому, тем самым поставив точку в разговоре. За спиной послышались удаляющиеся шаги соседки. Теперь Фрейя увидела, что привлекло ее внимание в конце их беседы: в приоткрытой двери дома, с явно недовольной миной, стоял Хюльдар. Во рту Фрейи, как по волшебству, снова возник противный привкус утренней яичницы. Она вовсе не ожидала его увидеть – в отделении было предостаточно полицейских, кто мог бы ей здесь попасться. После того как прошла их встреча в Доме ребенка, Фрейя была уверена, что Хюльдар будет стараться избегать ее. Но, возможно, он был даже более странным, чем она предполагала. Гордо выпрямившись, Фрейя ответила ему той же миной.

Подойдя ближе, она увидела поблескивающую за плечом Хюльдара расписанную вручную табличку с именами жильцов дома. В уголках таблички были нарисованы цветы, почти стертые дождями; теперь от них остались только стебельки с редкими лепестками. Но черный шрифт устоял, и сейчас имя Элизы неприятно четко выделялось там во второй строчке. В остальном это был самый обыкновенный вход в семейный дом: прислонившись к стене, стояла пара сложенных вместе санок, в углу у самой двери – новенькая лопата для снега; вряд ли кто-то будет пользоваться ею в ближайшее время.

– Здравствуй.

Фрейя посчитала лишним протягивание руки для приветствия – ей не хотелось прикасаться к этому человеку. К тому же рукопожатие казалось какой-то дурацкой формальностью в этом печальном месте.

– Здравствуй.

Хюльдар был не в духе – возможно, тут сказывалась усталость: он был с темными мешками под глазами, небритый и какой-то помятый. Фрейе показалось, что он был в той же одежде, в которой явился вчера на провалившийся опрос в Дом ребенка. Но когда Хюльдар снова заговорил, пропуская Фрейю в дом, она поняла, что дело тут не только в бессонной ночи.

– Когда я пригласил тебя сюда, я не предполагал, что тыобразишь себя официальным спикером полиции. Мы в силах справиться с этим сами, без помощников.

Фрейю это задело.

– Я всего лишь ответила женщине, что не могу ничего сказать по этому делу!

Хюльдар смутился и, покраснев, прокашлялся:

– О! Извини, эти соседи пасут нас с того момента, как мы сюда прибыли; буквально сидят в засаде. Оба, и муж, и жена, изнывают от любопытства. – Он виновато улыбнулся. – Тут у нас многие поддались на разговоры с ними, и мне пришлось их распекать, так что это я по инерции...

– Ладно... успокойся.

На самом деле это не было «ладно». Фрейя не выносила выговоров – никогда и ни в каком виде. Тем более от него и тем более незаслуженно! Она пришла сюда взять кое-какую одежду и другое необходимое для детей Элизы. Их родные не получили разрешения на посещение дома, даже отец детей, и Фрейя поэтому согласилась помочь, несмотря на то что опаздывала на обед с подругами. Ей казалось, она делает полиции одолжение, – и, естественно, надеялась на другой прием.

Фрейя осторожно обошла стоявшую в коридоре вешалку, увешанную куртками, шапками и шарфами – по большей части ярких детских расцветок. Пол был буквально усыпан детской обувью, будто дети сфутболивали с себя ботинки, еще не войдя в дом.

Фрейя огляделась, подыскивая место, где можно было снять обувь. Она еще никогда не бывала на месте преступления и не знала правил.

– Мне нужно разуться?

– Нет. Разве только если ты сама хочешь. Но я бы не советовал. Пол после нас далеко не чистый.

Наклонив голову, Хюльдар уставился на ее ноги, будто ничего удивительнее в жизни не видел, – скорее всего, был рад возможности не встречаться с ней взглядом. По нему было заметно, как неловко он себя чувствовал; это придавало ей уверенности и даже радовало. Он это заслужил.

Устав любоваться его макушкой, Фрейя откашлялась:

– С чего мне лучше начать? Не лучше ли поспешить? А то люди ждут.

Это было преувеличение. Никакой особой спешки не было, никто не сидел раздетым, ожидая этих вещей.

– А? Да! – Он так стремительно распрямылся, что Фрейя испугалась за его шею.

Хюльдар открыл дверь из прихожей, приглашая Фрейю следовать за ним. Она избегала смотреть на него сзади, опасаясь, что в памяти могут всплыть картины той ночи, которую они провели вместе. Что и случилось – несмотря на все старания отогнать воспоминания, – и она слегка покраснела. Слава богу, что он не видел ее лица. Черт бы побрал этого Хюльдара...

Она постаралась сосредоточиться на окружающей ее обстановке. Отделку дома, казалось, не трогали со времен постройки, что было довольно необычно. Потолок облицован темно-желтой панелью, которая в свое время была светлой. Освещение тоже допотопное – встроенные в деревянную облицовку выпуклые светильники. По текстуре стен можно угадать, что они были покрашены прямо поверх обоев. Жаль, если это были обои времен постройки дома, – сейчас пестрящие узорами стены опять вошли в моду.

Хюльдар, обернувшись назад, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Фрейя намеренно его перебила. Не имея времени на размышления, она брякнула первое, что пришло ей в голову:

– Они были хорошо обеспечены?

Судя по обстановке в доме, семья не бедствовала, хотя нигде не было видно дорогих вещей. На стоявшем перед телевизором диване лежали скомканный плед, большая книжка с картинками, детский носок и пульт. На столике, поверх рассыпанных по столешнице кружочков «Чириоса», лежал другой носок, сложенная газета, стояла большая миска с остатками попкорна и полупустой стакан с водой. По полу были разбросаны кубики «Лего».

Фрейе подумалось, что Элиза, наверное, не преминула бы перед сном потратить пять минут на уборку, если б знала, как все повернется. Было видно, что смерть застала ее врасплох. Может, именно поэтому Фрейя всегда старалась держать все свое в чистоте – не хотела, чтобы незнакомые казенные люди застали ее жилище в бардаке. И ей не следовало расслабляться, пока она жила в квартире брата. У нее, правда, еще не хватило духу затеять там доскональную

генеральную уборку, но помыть-почистить до такой степени, чтобы не стыдно было принимать гостей, она уже успела.

– Думаю, с финансами у них было нормально. Банковские счета показывают, что задолженностей по оплатам не имелось – впрочем, как и особых накоплений. Так что вряд ли все это связано с деньгами. – Теперь он вел ее по коридору и, казалось, был рад, что нашлось о чем поговорить. – Элиза, как оказалось, вообще не застрахована, что исключает убийство на почве страховки. И вряд ли муж стал бы убивать ее с целью завладеть общей недвижимостью – их доля в доме мизерная.

Они остановились у одной из дверей. Пол перед ней был усыпан темным порошком, который также виднелся на дверной ручке.

– Удалось вам найти какие-нибудь отпечатки?

– Наверное, нет. Здесь, в доме, везде только отпечатки жильцов, что указывает на то, что преступник был в перчатках. Во всяком случае, самые свежие, найденные нами на дверях в детские комнаты, – отпечатки Элизы и самих детей. Если б он работал без перчаток, мы бы это увидели, так как он закрыл и запер двери в комнаты детей на ключ. К счастью. Благодаря этому они не увидели свою мать мертвой. – Хюльдар усилием воли подавил зевок. – Дверь в спальню Маргрет он тоже запер, но, как ты знаешь, девочки в комнате не было. В ее кровати, под одеялом, лежало несколько мягких игрушек; это могло сбить убийцу с толку, если он заглянул в комнату, прежде чем запереть ее. В темноте можно было подумать, что в кровати лежал ребенок. – Хюльдар поднял на Фрейю воспаленные от бессонницы глаза. – Ты бы стала запираешь на ночь детей в их комнатах?

– У меня нет детей.

Фрейе показалось, что он остался доволен таким ответом.

– Нет, конечно, нет. У меня тоже нет детей. – Улыбнулся. – Во всяком случае, мне о таких ничего не известно.

Фрейя не ответила на его улыбку. Кем он пытается прикинуться – жеребцом-осеменителем? И она сухо отчеканала:

– Я уверена, что у меня нет детей. Я бы заметила.

– Да-да, естественно, – подхватил он как ни в чем не бывало, будто не понял ее колкости, а может, был просто слишком вымотан. – Но если б у тебя были дети, стала бы ты запираешь их на ночь? А если, к примеру, случился бы пожар?

– Нет, наверное, я не стала бы запираешь.

– Конечно! Так что вряд ли это сделала Элиза, и муж того же мнения. Во всяком случае, по его словам, они никогда этого не делали.

Двери в комнаты, как, впрочем, и все остальное в доме, не менялись со времен постройки. Убийца запер их на ключ, чтобы избавиться от невольных свидетелей. По всей видимости, это и было его целью.

Фрейя в раздумье разглядывала замочную скважину.

– А как мальчики смогли выйти из комнаты, если она была заперта снаружи? У них был ключ?

– Нет, старший вылез на улицу из окна и помог младшему выбраться тем же путем.

– А где ключ?

– У нас. Мы нашли только один; он торчал в двери мальчиков, со стороны коридора. Этот ключ подходит ко всем дверям внутри дома. Остальные, видимо, утеряны. Сигвалди не помнит, сколько у них было ключей, так как они никогда ими не пользовались. Не исключено, что убийца взял один или парочку с собой. Но на самом деле я не понимаю, зачем ему это было нужно.

– А как он попал в дом?

– Тут одно из двух: либо входная дверь была незаперта, либо у него были ключи; во всяком случае, мы не нашли следов взлома. – Хюльдар открыл дверь в комнату. – Пожалуйста, ты можешь смело трогать всё, что тебе нужно. Мы досконально прочесали дом.

В комнате тоже все было засыпано порошком, будто в только что открытом пыльном склепе, по совместительству выполнявшему роль игровой комнаты. Всюду высились кучи игрушек и детской одежды, часть которой аккуратно сложили. Видимо, этот бедлам можно было отнести на совесть работников полиции – невозможно представить, чтобы комната находилась в таком состоянии до их прибытия. Пустые полки на стенах и в открытом шкафу тоже указывали на это. Скорее всего, сложенная в шкафу одежда была сброшена с полок на пол в процессе обыска.

– И что, мне выуживать вещи из этой пыльной кучи?

– А откуда еще?

Прислонившись к дверному косяку, Хюльдар наблюдал, как Фрейя бродит по комнате, наклоняясь над завалами и выбирая наиболее подходящие одежды. Она пожалела, что была одета в такие узкие брюки, – сейчас больше подошла бы широкая длинная юбка. Он мог вообразить, что она специально вырядилась в обтягивающую одежду, чтобы произвести на него впечатление, и эта мысль была невыносимой. Ей было неприятно сознавать, что его взгляд следит за каждым ее движением, и хотелось попросить его выйти из комнаты. Но Хюльдар ее опередил:

– В прачечной комнате тоже полно одежды, но не в лучшем состоянии, чем эта, к тому же нестираной. – Он опять улыбнулся, и усталость будто исчезла с его лица.

– Естественно... – Фрейя, отклонившись назад, чтобы не наглотаться пыли, осторожно потрясла в воздухе двумя брючками и несколькими футболками, затем выкопала из кучи несколько трусиков и носков и, решив, что можно будет прийти сюда еще раз, скомандовала: – Этого достаточно. Следующая комната!

Хюльдар повел ее в комнату Маргрет. Там тоже, как и в спальне мальчиков, повсюду были видны следы разгрома после следственной группы. Однако комната девочки была больше, и поэтому беспорядок не так бросался в глаза. Да и разбросанная одежда выглядела по-другому: девчоночьи платяшки вперемежку с джинсами и футболками с котиками и другими симпатичными зверюшками. Никаких крокодилов и динозавров.

Фрейя без промедления приступила к делу – ее раздражала пыль и хотелось как можно скорее выбраться отсюда на улицу. Она быстро отыскала школьный рюкзак Маргрет и кое-какую одежду; оставалось найти лишь зубную щетку и какие-то особые резинки для волос, о которых ее просили специально.

Хюльдар осторожно откашлялся в дверях:

– Меня зовут Йоунас, Хюльдар Йоунас... Так что это было не совсем вранье. И я родился и вырос в Эгильсстадир.

Фрейя от неожиданности застыла в полусогнутом состоянии над кучей белья, под которой она надеялась отыскать школьные принадлежности Маргрет. Оправившись, выпрямилась и не без ехидства проговорила:

– Надо же, как удобно! Может, ты еще и плотник по совместительству?

Виноватое выражение испарилось с лица Хюльдара.

– Нет. Но все остальное было правдой. Или вроде того...

Фрейя снова склонилась над одежной кучей.

– Знаешь, мне все равно, и я буду тебе очень признательна, если ты не станешь напоминать мне о нашем знакомстве. – Она была рада, что стояла к нему спиной и он не видел, как она покраснела; если бы только можно было стереть воспоминания из своей головы, как ненужные старые файлы... – Знаешь, мне хочется просто забыть все – и никогда не обсуждать слу-

чившееся. Думаю, это будет нетрудно, так как ничего особо запоминающегося не произошло. Надеюсь, ты такого же мнения.

– Я просто хотел попросить прощения. И объяснить, почему я так поступил.

– Да брось, какие извинения? Мне абсолютно все равно.

Фрейя изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрогнул. Ей до сих пор было до боли обидно вспоминать этот дурацкий, будто скопированный из третьесортного фильма инцидент. Проснуться, протянуть руку – и ощутить там, где должен был лежать твой любовник, холодную пустую постель... Ни доносящегося из кухни аромата кофе, ни скворчания бекона на сковороде, ни записки. Ничего! Это было самое неприятное утро в ее жизни. Обычно у тех, кого она приглашала к себе, не возникало желания связать простыни и удрать от нее через окно. Утешение было только в том, что он предпочел окну и простыням подъездную лестницу.

– Это просто... когда я говорю женщинам, где работаю, то...

– Да-да, бедный ты, несчастный... – Фрейя подняла листок бумаги, лежавший под поло-сатой детской блузкой. Это был рисунок, помеченный в одном уголке именем Маргрет. Фрейя внимательно разглядывала его, поворачивая и так, и эдак. – Что это?

– По всей видимости, рисунок дочки. – Хюльдар, похоже, был рад возможности сменить тему. – Не обращай внимания; мы забрали отсюда все, что могло иметь значение для расследования. Ее рисунков полно и здесь, и на кухне.

Фрейя огляделась – и увидела обычные детские рисунки: сверкающие над остроконечными верхушками гор яркие солнышки и все такое прочее... Но ее взгляд быстро нашел и другой рисунок, похожий на тот, что она держала в руках.

– Это не совсем нормальный рисунок. И этот – тоже.

– Не совсем нормальный? Что значит «нормальный-ненормальный»? – Хюльдар взял из ее рук листок. – Здесь только дом и человек. Не вижу в этом ничего особенного.

– Моя работа, помимо прочего, заключается в анализе рисунков детей. Этот – не совсем обычный. Тебе нужно присовокупить к расследованию оба эти рисунка. Вообще я посоветовала бы собрать их все и отправить на анализ. Мы можем помочь вам, если надо.

Хюльдар с недоверием разглядывал рисунок. Фрейя, подойдя, пристроилась сбоку.

– Смотри, это ее дом. Дом, в котором мы сейчас находимся, да? Ты не можешь этого не видеть.

– Ну, да, да, вижу.

– А этот человек здесь, – Фрейя указала на черную фигуру, слишком большую по сравнению с домом, – видишь, как он стоит здесь и будто уставился на дом? Руки подняты так, будто он собирается накинуться. Черный цвет указывает на то, что он в ее сознании плохой, страшный. Вполне возможно, что она рисовала то, что видела. Возможно, убийца следил за их семьей, приходил проверить обстановку или что там делают убийцы. Она вполне могла почувствовать, что что-то не так, хотя и не говорила об этом родителям. Иногда внутреннее переживание ребенка выражается в его рисунках. Не всегда, но часто. Если она действительно видела человека, околачивающегося у их дома, то, возможно, сможет описать его поподробнее.

Хюльдар оторвал взгляд от рисунка.

– Интересное кино! – Он нахмурился. – Я должен допросить ее сегодня же. Даю тебе один час на организацию опроса. – Взял из рук Фрейи другой рисунок. – Один час, начиная с этой минуты.

Было ясно, что Фрейе не придется искать резинки для волос.

Впрочем, как и встречаться с подругами в городе.

Глава 9

Приемник томился на своем обычном месте, на столе, настроенный на номерную исландскую станцию. В динамике время от времени пощелкивало и потрескивало, но трансляция запаздывала. Карл уже с трудом сидел на своем месте, представляя взгляды, которыми обменивались приятели за его спиной.

– Ничего не понимаю! – Он без конца, уже в течение часа, твердил эту фразу, и неважно, сколько раз мысленно приказывал себе заткнуться, – она снова и снова слетала с его губ. Словно слова были кукурузными зернами, а его рот – машиной для попкорна.

– Может, начнется в семь часов? Сейчас без десяти. – Халли зевнул у Карла за спиной. – А может, и нет.

Тяжело вздохнув, Карл скривился в страдальческой гримасе. Все шло не так, как он задумал. Ну почему у него всегда так? Какова вероятность того, что вся вселенская непруха будет всегда валиться на одного и того же человека? Уж точно, ничтожная! Он наверняка исчерпал свой запас невезения на несколько десятилетий вперед, и теперь в его жизни должно было быть одно сплошное счастье! И хотя Карл не помнил ни одного своего начинания, завершившегося согласно плану, он каждый раз попадался в одну и ту же ловушку, полагая, что уж теперь-то все пойдет как по маслу. И поэтому никогда не думал о запасном плане.

Если б только у него хватило ума заранее притащить сверху телевизор, чтобы они могли смотреть фильм или играть в видеоигры в случае задержки трансляции! Идиот... Но как только он подумал об их телевизоре в гостиной, понял, что никогда не стал бы переть это старье к себе в подвал. Конечно, это был не кинескопный телик, но с совершенно крошечным экраном, размером с монитор ноутбука, зато по толщине экран вполне мог прокатить за половину кинескопа. А что с него взять, если это дешевка из дешевок? Его мать всегда покупала только самое дешевое. Дорогими вещами в доме были только его радиоприборы, на которые он сам копил деньги.

Не лучше было бы и перетаскивать приемники из его подвала наверх – не мог же он позволить друзьям околачиваться там, среди всей этой безвкусицы! Мебель была такой убогой, что, даже простояв века, не стала бы модней и дороже, как часто случается со старой рухлядью, превращавшейся в антик. Поэтому он и утащил Халли и Бёркура вниз прямо из прихожей, позволив им лишь по-быстренькому снять верхнюю одежду и обувь. Висевший там на стене Че Гевара удивленно таранился в пустоту поверх их голов. Он был остатком неопределенной материной приверженности к левому движению, выражавшейся в основном в пренебрежительном фырканье при любом упоминании Америки. Карл был несказанно рад, что из-за возни приятелей выцветший репринт не грохнулся на пол, а ведь мог бы, потому что бедная разошедшаяся рама разъезжалась по всем углам. Карлу было наплевать на портрет, но очень не хотелось, чтобы пацаны обратили на него внимание.

Непостижимо, почему он до сих пор не снимал со стен всю эту дребедень? Лень, лень, лень-матушка! Если ему что-то не нравилось в доме, он должен был сам это исправлять. Вообще-то Карл приглашал оценщика, но тот, походив кругами по дому с блокнотом в руках, выдал, что ничего оценить невозможно, кроме радиоприборов, к которым он почему-то проявил до неприятного большого интерес. Тем более что красотой они точно не отличались.

А деньги ему сейчас совсем не помешали бы. Его мать использовала каждую крону на погашение ипотеки, до самой своей смерти, так что Карл должен был довольствоваться тем, что стояло в доме, пока ему не удастся накопить на что-то другое. Он сам жил на студенческом займе и с весны окажется в глубокой заднице, если провалит сессию. Вероятность этого представлялась ему уже настолько реальной, что он все чаще стал подумывать о продаже дома и

покупке квартиры поменьше, которую смог бы обставить по своему вкусу, а на остаток слегка оживил бы свое однообразное житье-бытье.

Но Карл никак не мог заставить себя взяться за это. Каждый раз, когда он думал о переезде, в голове всплывало, через какие огни и воды ему пришлось пройти, чтобы получить разрешение на торчащую снаружи дома гигантскую антенну. А получить разрешение на установку такой бандуры на крыше многоквартирки будет намного труднее. Кроме того, половина дома принадлежала брату Артнару, так что было неясно, хватит ли Карлу его доли на небольшую квартирку. А здесь он жил бесплатно – по крайней мере, пока. Трудно сказать, до какого времени брата будет удовлетворять такой порядок. Карл не сомневался, что только из-за своей занятости, а не любви к брату, Артнар еще не занялся вплотную наследством. Они вообще никогда не были близки, а после того, как тот переехал жить в Штаты, их связь почти совсем сошла на нет.

Хотя и до его отъезда особой связи между ними не было; вся она заключалась лишь в чуть заметных кивках друг другу за завтраком да редких вопросах «ты не видел?..», когда что-то вдруг терялось. В рождественские праздники и дни рождения они благодарили друг друга за подарки, которые от их имени покупала им мать, – вот и вся связь. Карл, в юном еще возрасте, пытался пробиться через окружавшую старшего брата раковину, но сдался – это оказалось ему не под силу.

А может, Артнар просто возьмет и забудет о Карле, квартире и остальном скромном наследстве их матери? Хотя после того, как Артнар повзрослел, между ними и сохранялось какое-то подобие отношений... Возможно, сейчас, после смерти матери, он совсем пропадет и больше никогда не даст о себе знать? У него, похоже, было достаточно забот о себе, своей молодой жене и работе. Кажется, ему не терпелось пустить корни там, на другой стороне планеты. Их телефонные разговоры случались все реже, и хотя они участились в период, когда мать была при смерти, сейчас опять почти прекратились. Артнар извинялся, грешил на разницу во времени, что напоминало Карлу о разнице в их возрасте, которой мать всегда оправдывала отсутствие близости между братьями. Разница во времени, разница в возрасте... Между ними всегда будет какая-то разница...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.